

Андрей ФАРУТИН

г. Петрозаводск

Часть третья
БУДЕМ ЖИВЫ – НЕ ПОМРЁМ

Гадания вещим жребием

— Машутка, давай дак гадай скорее! Да Мпоспеем ещё с парнями на шкуре околевшего телка посидеть. Они уж расстелили её возле нашего сарая, — тем морозным вечером восемнадцатилетняя пильмасозерка Ольга Пахомова нетерпеливо звала с собой чуть более юную подругу, приехавшую на полусвятки погостить к родичам из Гумарнаволока со старшим братом Гришаней Фатьяновым.

На улице уже давно стемнело, лишь луна будто подглядывала за девушками свысока.

— Оляшка, а ты-то сама услышала каки вещие звуки? — прошептала Маша.

— Вроде причудился дальний звон со стороны Горища, но этак конь близко, что едва слышко, — Оля соврала не со зла, а только из желания придать значимость ведовскому обряду, который скорее мог обозначить звуками именно недалний водлозерский берег.

Там, на мысу Гольин-наволок, стояли ближние, почти опустевшие деревушки, а за мыском на острове Гольяницы расположились сразу три соседских поселения, пусть небольших, но всё-таки поратых холостяками-женихами. Один из них — Сёмка Никитин — девушке нравился. Потому она с надеждой на сближение с ним особо ждала скорого Христова Рождества, когда по обычаю намечался выезд на остров гостей на возобновлявшиеся с наступлением главных зимних праздников молодёжные бесёды, озорные игры и святочные гадания, кои, конечно же, сподручнее было проводить на более многолюдных сборищах, чем в малодворных, бедных на жильцов местных деревеньках.

Маша волновалась и будто нарочно замешкалась:

— Ой, боюся я, Оляшка, ненароком судьбу

ВО ИМЯ ТВОЁ...

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН
(журнальный вариант)

ПРЕДАНИЯ ВОДЛОЗЕРЬЯ

Книга вторая

свою прознять. Вдруг неладное накликаю. Сараско мне, но чаю вещих знаков. Порато хочю хоть толику их прочують.

— Много желать — добра не видать. На расстанях нечистый может и посмеяться над нами, наслав на слух обманку. А вот на шкуре, очерченной святым кругом, ворожба гораздо вернее будет. Так что поспешай, Машутка, время к полуночи близится. Самый срок круг чертить, — торопила подругу Ольга.

— Чего не увижу да не услышу, о том и не брещу, — отмахнулась Маша и наконец решила начать гадание вещим жребием. Встала лицом к почти округлившейся луне посреди перекрёстка трёх дорог, одна из которых вела к самому Пильмасозеру, другая сворачивала в обход озера к югу на родной Гумарнаволоку, а третья тянулась сюда через густые леса от Онежского побережья. Девушка набрала немного снега обратной стороной нарочно взятого для этого обряда передника, положила в него снятое с пальчика медное колечко и, осторожно подкидывая снежную массу вверх, стала приговаривать:

— Полю, полю росу. Куда меня спросят? Которому дому? Которому полю?

В расстёгнутом полушалке, она бросилась на колени, не обращая внимания на холод, прижалась правым ухом к наезженной санными полозьями колее, стараясь расслышать или скрип приближающегося возка, или звон поддужных колокольчиков, что считалось верным знаком к скорому сватовству гадавшей девицы из подавшей вещий сигнал сторонушки.

— А вой-вой, кажись, слышу, что-то звякает... Боженька, спаси и сохрани! — резко подняв голову, Маша стала истоиво креститься, от растерянности так и не попытавшись встать с коленей, придавивших потяжелевшими на ногах каньгами длинную полу суконного платья.

— Мне, Машутка, тоже что-то послышалось, будто б дальний звон колокольчика, — приложила ладошку к уху Ольга. — Но почему-то он донёсся вон оттуда, с дебрей, где близких селений совсем нету... Вот опять, уж громче звук доносится с той лесной дороги. Позову-ка я парней, с ними не так сараско будет, — закричала в сторону: — Эй, Васька, Захарка, Гришка, подьте сюды! Никак к нам кто-то от Онего-озера едет...

Ребята с увесистыми палками в руках, на дороге караулившие гадавших на росстани това-

рок, темневшими на фоне снега силуэтами поспешили к ним. Брат Гришка поднял ноги и отряхнул от пороши оторопевшую Машу, продолжавшую креститься и шептать молитвы. Та смотрела на лесной санник уже не столько с удивлением, сколько с интересом.

— Машуха, не удумай, что это прям к тебе желанный женишок в ночи катит, — насмешливо хлопнул он сестру ладонью по заду. — А вот имечко того смелого ездока спросить не помешает. Тоже ить примета такая вещая есть на будущего суженого. Вдруг и точно достанется тебе потом в мужья этакий отважный ухарь, не убоявшийся затемно ехать по сузёмку, кишашему голодными волками.

Весёлый колокольчик звучал всё громче, подсказывая приближение запоздалого путника. Наконец из густого ельника вывернул на дорогу огонёк закрытого слюдяного фонаря, с мерцанием которого стали вырастать из темноты гружёные сани, запряжённые двумя крепкими лошадами. Вскоре рядом с сидевшим на облучке возницей оказался различим приподнявшийся на коленях второй седок, под распахнутым тулупом которого блеснула чешуя голубоватой кольчуги.

Кучер, придержав коней сажень в десяти от сбившихся гурьбой молодых водлозёров, обратился к ним уверенно и громко, без заметной тревоги:

— Здравы буди, крещёные! Пошто на большую дорогу с такими грозными дубинками вышли — поезжан грабить али лешаков пужать? Предупреждаю, с нами шутки плохи. Фу-ты ну-ты, колья гнуты, едва от волков отбились, а тут новая засада...

В руках второго седока угрожающе сверкнули под лунным светом стволы двух пистолей, а за перехватившим его кольчугу поясом виднелась богато отделанная рукоять кинжала. Старший из пильмасозерцев Василий Пахомов предпочёл не искушать судьбу пустой перебранкой и ответил примиряющим приветствием:

— Добрым людям — доброй ночи! Мы здесь, дядечки, по заведённому обычаю на росстани гадаем. Колья прихватили на всякий случай, для собственной обороны, но вовсе не для разбоя. А вас, знали б раньше, хлебом-солью стренули. Мы ж люди северные, законы гос-теприимства почитаем. Чай, не зверьё какое...

— Неужто и впрямь на вас волки напали? Да как же вы от них отбились? — зацепив вниманием другую досаду возницы, засыпал его торопливыми вопросами Гришка.

— А вон, вишь, за саниями длинная верёвка с палёной рогожкой волочится? — кучер кивнул на обгоревшее тряпьё. — У нас сей изрядно просмолённый подарочек загодя был заготовлен. Как токмо наши коняги почуяли волчью стаю и понесли вскачь, мы рогожу-то подожгли и следом за возком выбросили. Жаркий да яркий из неё костерок получился... По узкому санному следу он нас на время прикрыл. Правда, матёрый волчий вожак допреж огня к лошадям прорвался, норovil уже в пах кореннику зубьями вонзиться. Ежли б мой меткий напарник его не стрелил из пистоля, не знаю, так ли скоро серые от нас отпали. Благо, в сей раз Бог нас миловал...

— Слава богу, что всё обошлось, — вместе со всеми перекрестился Васька и добавил: — От этих передряг вам отдохнуть не помешает. Милости просим погостить в нашей деревне.

Кучер огляделся по сторонам:

— Фу-ты ну-ты, никак ваша деревенька на Пильмасозере стоит? Вы тамошние?

— Так и есть, тутошние мы, — ответил кто-то за всех ребят. — Озерцо наше невеликое как раз справа открывается. А в самой деревне нынче токмо два двора жилые. К какому порогу показать дорогу?

— В Даниловской обители нам присоветовали встать на постой к Савве Каргопольцу. До него и дело у нас есть, — молодым голосом ответил напарник возницы.

— Да как Захар Савин вас прямиком до своего дома проводит. Захарка, наладь гостей на постой к своему батяне. Да, гляди, долго не задерживайся. Поспешай вместе с нами на шкуре ворожить. Конечно, коли не струхнёшь в заветный круг сунуться...

— Было бы чего трусить, — недовольно ворчал Захар. — Доводилось мне уже в прошлом годе гадать на шкуре дохлого быка на Гольяницах, да к тому ж возле самой проруби в рождественскую ночь... Когда сам водяник на свет божий совсем рядышком вылезти может, куда пострашнее будет. Главное, тут черту сплошняком, без всякой промашки провести, дабы никакую нечисть в круг не впустить, — залезая на передок подъехавших саней, обиженный

Захарка ещё что-то бурчал себе под нос, но опомнившиеся девчонки перебили его вещим вопросом, подогревавшим их любопытство.

— Добрый молодец, а как тебя звать-величать? — окликнула осмелевшая Маша одетого в кольчугу седока, в котором рассмотрелаглянувшегося ей юного парня.

— Матушка с батюшкой Ильёй прозвали, — догадавшись о причине вопроса, улыбнулся в ответ вологодский гость Белозерский. — Не буду возражать, красавица, если и для тебя найдётся достойный жених, наречённый моим именем. Желаю счастья!

— А тебя, дядечка, случайно не Семёном зовут? — вспомнив о желанном гольянинском знакомце, крикнула вдогонку саниям Ольга.

— Фу-ты ну-ты! — усмехнувшись, отозвался кучер. — Слыхивали мы этакие вести про шесты да насести... Извиняй, милая девица, ежли не оправдал ожиданий, но меня уж полвека с лишком Тимофеем кличут, — обернувшийся вполборота Тверянин хрипло хохотал с облучка, удаляясь в снежную тьму и вороша вожжи здоровой правой рукой, хотя лошади без лишних понуканий бодро припустили к показавшейся за поворотом деревушке.

Лишь ангелы с неба не просят хлеба

На залиvistый лай выскочившей из-под крыльца рыжей охотничьей собаки в окошке хозяйской горницы затеплился огонёк лучины. Вскоре в скрипнувшую сенную дверь протиснулся сам Савва Каргополец, седобородый могучий мужчина в накинута на плечи медвежьей шубе. С копной всклокоченных сизых волос при свете горящего факела он действительно напоминал вставшего на задние лапы большого медведя, нечаянно разбуженного в берлоге посреди зимы. Однако ж добродушный голос его резко контрастировал с грозным видом хозяина:

— Кого там нам к ночи Господь послал? Захарка-шалопут, с кем это ты пожаловал?

— Мы, Савва Кузьмич, из Данилова от Андрея Дионисьевича весточку привезли. Да хранят тебя Иисус Христос и Пресвятая Богородица многие лета, — Тимофей Тверянин уважительно приветствовал известного благочестивой жизнью в миру старовера.

— Вам, странники, тоже от души желаю божьей милости! Дорогим гостям мы всегда рады. Давайте-ка я подмогну вам пристроить санки и притомившихся коников. Захарка, пособляй тоже. Что, куда ты лыжи наострил? Какие ещё гаданья в канун Рождества? От я тебя, непутёвого, гольной берёзовой кашкой попотчую по заднице, когда домой воротишься! — сердито, но совсем незлобиво крикнул Каргополец вслед уже выскочившему за ворота сыну.

Тверянин добродушно усмехнулся:

— Фу-ты ну-ты, не сердчай уж шибко на парнишку, почтенный Савва Кузьмич, его там впрямь приятели с зазнобами поджидают. Строго-настрога звали к ним вертаться, когда нас проводит. На телячьей шкуре после гадания на ростнях ворожить собрались...

— Чу, никак Тимофей Тверянин наконец-то и до моего конца добрался, — матёрый охотник с улыбкой сгрёб в крепкие объятия щедушного даниловца, хорошо знакомого ему по встречам в Выговской обители, где сам он не однажды бывал. — А сей юный богатырь в панских доспехах кто таков?

— Илья Павлович Белозерский, наш единоверец с Вологды. Летом он привёз к нам в монастырь в помощь немалый хлебный товар да вот с тех пор загостился в нашем сузёмке из-за нежданного шествия по нему московского царя Петра с войском.

— Оборони, Господи! Хоть нас сия антихристова напасть стороной обошла...

— Зато мы в вашу сторонку, уважаемый Савва Кузьмич, приехали нонеча не с пустыми руками. Большак из Коскосалмы Егор Дмитров, будучи недавно в Данилове, пожалился, что зерно на водлозерских подсеках минувшим летом не вызрело, сгнуло в зеленях. Посему привезли мы с Тимофеем Ивановичем хлебную посылочку от Андрея Денисова и всей даниловской общины, дабы смогли братья-водлозёры продержаться до нового урожая. Мешочек велено и в вашей деревне оставить, — с достойным поклоном обратился к дородному пильмасозерцу Илюха.

— От то добре, — благодарно кивнул хозяин, — в самое времечко удружили нам премудрый Андрей Дионисьевич и сердобольная даниловская братия. А то ить, окромя солёной рыбки, сушёных грибков да мочёных ягод, мы в Филиппов пост мало чего вдоволь едали. Яйца-то от куро-

чек всё в запас откладываем, из молочка впрок маслице бьём да сыры катаем, но хлебушек совсем на исходе. В остальные запасы ячменной муки уж толчёную сосновую кору добавляем. Одна надежда была молоком да яйцами, своими курами да лесной дичью после Рождества разговется. Однако ж будущий Великий пост ждали с превеликим страхом. Позволь мне, молодец, и тебя обнять с благодарностью за славную весть и радение о бедных людях, — осторожно прижал Каргополец вологжанина к широкой груди кряжистыми лапищами.

Пристроив в хлеву лошадей и загнав в сенной сарай сани, из которых хозяину выделили тяжёлый мешок с яровой рожью, знакомцы пошли в дом ужинать. Довольный лежавшим на его плече трёхпудовым хлебным грузом, который нёс бережно и с виду очень легко, пильмасозерский силач всё же не удержался от озорной шутки, навеянной добрым расположением духа. Прежде чем подняться на крыльцо, мужик трубочкой приложил ладонь свободной руки к губам и трижды громко ухнул по-совиному в сторону тёмного соседского двора.

— Пушай-ка там наши неслухи-гадальщики чуток спужаются, — пояснил Каргополец странную выходку гостям. — Иные злые шуткари в этаких случаях по заборам палками стучат, чтоб те, кто садится в круг на шкуре издохшей скотины, решили, что им скорой смертушкой ворожба откликнется. Зато лесной гугай — сам по себе птица вещая, вроде как гамаюн северный... Баюют, коли сова возле дома кричит, дак верно новорождённого накликает. От пусть робяты тепери ча гугаево уханье по своему разумению приплетают к досужим приметам. А то ить что удумали, окаянные, — до прямых святок ворожить. Где ещё, окромя наших таёжных краёв, существует сей вздорный обычай — гадание вещими звуками в полусвятки? Но что ж поделаешь? Издавна в окрестном сузёмке так повелось...

В большой горнице было тепло от натопленной на ночь большой русской печи, на которой с приходом гостей послышалось шевеление и тихое детское перешёптывание. С верхней лежанки на вошедших глядели три пары любопытных глаз, принадлежавших малым Савинским отпрыскам — девчужке-недоростку и двум пацанам-пайгажатам, которым участвовать в поздних забавах по возрасту настрого воспрещалось. Возле

устья печки хлопотала хозяйка, пышногрудая женщина лет сорока пяти с повязанным поверх ночной рубахи цветастым передником. Она уже подбросила дрова, раздула полусонные угли и подвесила на вбитые в свод горнила железные крючья два котелка с каким-то варевом.

— Принимай, Евдокия Афанасьевна, славных гостей из Даниловской обители и щедрый подарочек от наших братьев — три пудика доброго хлебушка, — обозначил Каргополец супруге особое расположение к прибывшим, поставив мешок с зерном посреди горницы и тут же начав его развязывать. — Отложи сразу пайку ржи в сито для утренних лепёшек. Пусть на воде их спечёшь, а всё будет в отраду для всего семейства перед грядущим сочельником. Да на сочиво как раз тоже чуток отсыпь — вот и праздник по-христиански встретим...

— Спаси вас, Господи, заступники наши родимые! — обрадованно заголосила хозяйка. — Как же вы нас выручили вовремя. Уж теперича-то точно живы будем, не помрём с голодухи. С бережением, почитай, до самого лета продержимся.

— И то верно: проживёшь ворохами — не натянешь крохами. А хлебушек беречь надобно, за него ещё строгий расчёт предстоит. Хлеб да соль платежом красны, — поддержал супругу Савва.

— Вы в Саввушке моём не сумлевайтесь — он с лихвой долг отдаст, шкурками звериными отработает али рыбки отменной для Данилова привезёт... — причитала вокруг нежданно привалившего богатства улыбая охотничья жёнка, бережливыми горсточками отсыпая зерно в берестяное сито.

— Фу-ты ну-ты, наше дело маленькое — привезти да отдать. А уж о прочем вы сами стоваривайтесь с большаком да келарем, — смущённо откашлялся в ответ Тверянин.

— Да вы садитесь к столу — в ногах правды нет. У нас на утро было оставлено чуток грибной похлёбки, которую уж свежие лепёшки заменят. И ещё вас горячим брусничным отваром да мочёной морошкой попотчует. Грибков-то да ягод, слава богу, в избытке набрано, и сушук есть, и солёная рыбка, и мяско вяленое, и со свою хозяйства добрый запас скоромных продуктов... Но вот мучицы на постные дни почитай токмо до четверти хумбара осталось, — лопотала хозяйка, суетливо ставя на стол миски с ложками, глиняные кружки, плоску с морош-

кой и ловко поддетые ухватом чугунок, уже дымившиеся над оживлённым огнём.

— Постоите, хумбар — знакомое с детства словечко. У чухарей так называется ступа с удлинённой широкой ножкой для толчения беля с водой и мочевиной. Как бы она ни была велика, а запаса муки в ней для вашего семейства впрямь ненадолго хватит, — с трудом выскользнувший из кольчуги Илья показал свою осведомленность, происходившую от его кровной связи с чухонскими корнями. — Меня же родители до двенадцати лет самого по-чудински пайгажи кликали, а дед по-карельски пойкой звал.

— От то добре, милок, что ты язык предков не забываешь. А ещё наши старожилы хумбаром прозывают напоминающий сию ступу заливичик на ближнем Водлозере, где стоит посема и названная так деревня Гумарнаволок, из коей приехали погостить к соседям встреченные вами давеча брат и сестра Фатьяновы, — вступил в разговор Савва Каргополец после того, как отнёс мешок с зерном в утеплённый запечный чулан. — Поскоку мы уж давненько в сих глухих краях обитаем, то ко всяким чухонским понятиям привыкли. И тебе, Илья Павлович, коли ты древней веси сродник, знание чудинского языка тут весьма пригодится. Ить первоначальниками здешних мест были как раз чудские племена — лопь лешая, весь да соседняя корела. Ныне они уж перемешались с русичами, но оставили о себе вечную память иными названиями рек, озёр да лесных урочищ...

— Вот-вот, Пильмасово озеро, по которому ваша деревенька прозвание получила, тоже ить никак не из русского языка происходит? — поинтересовался дотошный Тимоха мудрёной загадкой.

— Лопари прозвали так наше озерцо, поскоку оно находится в стороне, значица, рядом с особо почитавшимся у них большим Водлозером, — пояснил Каргополец.

— Будто ты сам, Савва, Водлозеро не считаешь? Зря, что ли, тут осел?

— Дак я живу от него как раз чуток в стороне и больше кормлюсь не стоко рыбалкой, скоко охотой. Полесник я, а не рыбарь, — твердил Каргополец. — Хотя, признаюсь честно, местные лесные и водные духи поневоле требуют уважительного отношения к себе. Сам знаешь, Тимофей Иванович, как истово верую я в Троицу Единую, в Иисуса Христа и Пресвятую Богороди-

цу, в помощь святых угодников — наших верных небесных заступников! Однако ж поневоле приходится верить также в обитающую по соседству потустороннюю нечисть. От я даже врагу не пожелаю поссориться невзначай со здешним лесным хозяином либо с водлозерскими водяниками, — Савва многозначительно взглянул на гостей, будто что-то недосказал.

— Что так, неужто они страховитее самого дьявола будут? — не унимался Тимоха.

Хозяин чуток подумал.

— Ну, по страховитости, пожалуй, они пожиже, на одну досточку с сатаной их не поставишь. Но и страху нагнать, и изрядно навредничать не уважившим их людям весьма горазды, — гнул своё Савва.

Тимоха даже будто разочаровался:

— А я-то грешным делом думал, что живущие близ людей духи сами на нас похожи становятся. Тоже ить, бают — фу-ты ну-ты — они жёнками обзаводятся, детишек плодят. Домовые, овинные, банные и вовсе человеческий облик своих хозяев принимают...

— Однако ж и энти, как ты считаешь, ближние духи ничуть не отвыкли делать человекам то мелкие, а то и крупные пакости. От про тех же банных сам посуды, как их не опасаться, коли они могут вместо человеческого младенца свою обмёныша подсунуть невнимательной мамаше, чуть отлучившейся из бани. А значаца, нашего робёночка к себе на воспитание забирают. У нас тут допреж вовсе страшные случаи бывали, когда жил в доме через дорогу сильный колдун Иудка Лопаряйнен. Ни Христа, ни Богородицу, ни святых угодников не почитал... — снизив голос до шёпота, Савва вспомнил зловещее предание: — В ночь на Пасху он не в церкву ходил, а как раз в баню, дабы веселить нечистую силу игрой на балалайке. Тех же людишек, кои по любопытству и слабоверию следом за ним увязывались, ждала жуткая участь — в Пасхальную полночь баенная хозяйка Обдериха с них заживо кожу снимала...

— Господи, спаси и сохрани! Когда же этикие страсти случались? — испуганно перекрестился Тверянин.

— Когда тут поболе народу проживало, — казалось, Каргополец остался доволен произведённым впечатлением. — Ещё дед мой Савелий жив был, он про то и сказывал. Царствие ему Небесное!

— А Иудка тот куда делся? — любопытствовал Илья.

— За пакостные проделки согнали его сельчане с места. Ушёл он куда-то скитаться по свету. Да многие из наших скудных краёв в худые дни подались лучшую долю искать — то ли в Беловодье, то ли в Муравию... — тяжело вздохнул Савва Кузьмич.

— И всё ж, согласишь, Савва, что у водяных и леших теперича потомство появилось, чего ни у ангельских, ни у демонических сил никогда не бывало, — отстаивал Тимоха своё понимание изменившейся природы местной нечисти.

— Тут спорить не буду, Тимофей Иванович. Мой батяня Кузьма Савельевич — упокой, Господь, его душу — сам однажды в невод племяша водлозерского водяного на Пильмасозере словил. Говорил-то водяник с трудом, прозвался Микиткой, но всё больше головой мотал в ответ на вопросы. Батя его спрашивает: «Куда тебя, на гору?» Тот головой крутит, мычит: «Не-а». Куда же — в воду?» Тот закивал радостно: «Угу-гу». Ну, отец отпустил его с богом. Какого рожна ему было с Ильинским водяным ссориться?

— Почему с Ильинским? Вы что же своим водяным на Водлозере фамилии дали? — удивился Илья.

— Нет же, это их так по местам обитания кличут, — ненароком зевнув и быстро перекрестив рот, объяснил полесник. — Один как раз живёт неподалёку от церкви Ильи Пророка, что стоит на островке в северной части озера. А второй царствует в южной половине Водлозера, вблизи тамошнего Пречистенского погоста на острове Пога, посему прозывается Пречистенским. Ты, милоч, ещё успеешь много баек послушаться про наших бестелесных соседешек. Однако нынче нам недосуг лясы точить. Время уж далеко за полночь. Пора соснуть. Вам я на полу лосиную шкуру расстелю. А Захарка на лавке ляжет, коли не останется ночевать у Пахомовых. Устраивайтесь почивать, православные. Спаси и сохрани нас, Господи Иисусе Христе и Пречистая Богородица!

Канун сочельника

На мягкой лосиной шкуре да под тёплой медвежьей шубой могучего Каргопольца, с запасом накрывшей обоих путников, спалось ус-

тавшему Илюхе крепко и покойно. Он не слышал ни покашливанияй ворочавшегося рядом простуженного Тимохи, ни тихого возвращения домой после ночных гаданий шалопута Захарки, на цыпочках сторожко пробравшегося на свою лавку. Притомившегося парня не пробудил даже ранний подъём хозяев, которые, наскоро помолившись, вновь растопили очаг и запалили лучину.

Савва с дежурным факелом ушёл на двор задать корм скотине и курам. А его жёнка взялась раскатывать скалкой на широкой кухонной доске разбухшее в воде ржаное зерно, схватившееся внутренней клейковиной не хуже сырых яиц. Получившуюся из этого месива скатку она присыпала ячменной мукой, разделила на примерно равные комочки, которые ещё раз тщательно размяла, придавила между ладонями и разложила на бережно помазанный драгоценным конопляным маслом сковородник с длинной ручкой, аккуратно поставленный на возвышавшиеся над огнём камни. Аппетитный запах подрумянившихся лепёшек наконец-то вызвал дружное ворочание и детишек на печи, и очнувшихся от дрёмы гостей на полу. Только нагулявший здоровый сон полуночник Захар, отвернувшись к стене, продолжал сладко спать, накрывшись с головой овчинным тулупом.

Вернувшийся в избу хозяин больше не стал осторожничать, как при давешнем выходе во двор. Нарочито громко хлопнув дверью, он в полный голос пробасил из клубов пара, ворвавшихся в горницу из сеней с морозным уличным воздухом:

— Эгей, православным пора вставать на утреннюю молитву! Настёна, Кузьма, Афонька, слезайте вниз. Эвон, на гостей наших гляньте — позже вас прилегли, а уже на ногах. Ты, Тимофей Иванович, погоди лосину с пола сворачивать — вместе на ней сейчас на коленках перед образами постоим. Тебя, гулёна, это тоже касается, неча было лишку полуночничать, — размашисто растолкал Каргополец осоловело взглянувшего на него старшего сына. — Живо поднимайся, не то точно голиком попарю.

Евдокия Афанасьевна едва успела выставить на стол со снятого на припечный шесток сковородника готовые, дымившиеся от жара лепёшки и присоседалась рядом с мужем в третий ряд коленапреклонённых богомольцев, выстроившихся лицом к красному углу, где стояли на полочке

украшенные белоснежным рушником иконы. Молитвы утреннего правила вслух проговаривал сам Савва — без всякой книжицы, по памяти, густым басом, которому бы позавидовал любой бывалый дьякон. Остальные повторяли знакомые слова полушёпотом, гости — тише домочадцев, чтобы ненароком не сбиться с установленного в семействе порядка, всё-таки чуть отличающегося от отлаженных церковных служб, а значит, по-своему священнодейственного и не допускавшего случайных нарушений, словно устав чужого монастыря. За то Каргопольца чтили единоверцы — знали, что хоть не одиноким отшельником в скиту, но семейно, в миру, он тоже живёт строго, крепко придерживаясь своеобразных правил древлего благочестия.

Закончив утренний молебен троекратным крестным знаменем с низкими поклонами в пол, Савва грузно поднялся на ноги и дал всем установку на день:

— Нонеча канун сочельника, посему завтра с вечера будем сидеть на родниковой водице, а потом лишь сочивом с медком до рождественской трапезы полакомимся. Поклонитесь, детушки, гостям нашим дорогим, кои нам мешок зерна привезли, дабы мы вовсе без хлеба не сгнули. Благодаря им мы на завтрак румяных лепёшек с брусничным морсом спробуем и к обеду сытный каравай спечём. Со всем нашим почтением их первыми к рукомойнику допустим, а после уж вы по старшинству подходите. И живо за стол, пока выпечка не простыла...

Разговор за столом продолжился со вчерашних тем, явно заинтересовавших приезжих и дававших возможность хозяину с заметной гордостью за свою малую родину порассказать им были и небыли об отличительных приметах сказочного Водлозерья.

— Ты давеча спрашивал, Савва, где ещё в полусвятки гадания устраивают, — вспомнил былой интерес Каргопольца Тверянин. — Знаю, что в соседнем Заонежье тот же обычай зовётся кривыми святками, а в Поморье они вовсе начинаются с конца первой недели декабря, сразу после Николы зимнего.

— У них, значица, покруче нашего выходит. Всяко место своим ладом живёт. У нас о том говорят: где кака деревня — там така поредня. Кстати, как там нашим ночным гадальщикам прислышалось али причудилось чего ночью на

телячьей шкуре? — с лукавой усмешкой спросил Захара отец.

— Ты, батюшка, не поверишь, но нас всех особенно напугало громкое уханье филина, доносившееся вовсе не из леса, но со стороны озера за нашим двором, — давясь лепёшкой, делился впечатлениями Захарка. — Должно быть, то водяной из проруби голос подавал, предвещая скорый приход на землю всех нечистых сил. Их Боженка отпускает из подземных узилищ повеселиться на святки в честь Рождества любимого Сына Иисуса Христа. Мы аж обмерли со страха и крепко схватились за руки... Всё ждали, что следом вокруг нас сонмище бесов закрутится.

Хозяин укоризненно покачал головой:

— Ужо вы дождётесь неприятностей для своих задниц, когда на Гольяницы поедете. Ты же говорил, что тоже собираешься недельку погостить в Ускарнаволоке у крестнухи Авдотьи Семёновой... Гляди там, Бога не забывай — от честной молитвы и святого креста любые бесы бегут как от ладана, — поясняя намерение сына поехать в гости в соседнюю деревню, Савва снова обратился к даниловцам: — Обычай у нас такой сложился — отпускать отроков гостевать друг к дружке в праздники на любые им игры и бесёды, дабы со сверстниками пообщались да перезнакомились. В нашей сторонке мы держим связи как раз с Гольяницами, Загорьем и Гумарнаволоком. Южные деревни кучкуются вокруг Куганаволока и Поги, западные тянутся к Пёлгострову и Путилову. А близ Коскосалмы, куда вы едете, свой большой куст сложился. Там друг за дружкой ещё три деревеньки поменьше стоят — Кургилово, Подгорье, Ангилова Гора. Да сразу через узкий заливчик от них расположены Рахойла и Варишпельда, а на другом берегу — Гостьнаволок. Да на юге того же островка Канзанаволок, с коим пашни и покосы там по межевой отметке пополам поделены. И на соседнем Колгострове тоже три поселения, ближние к Ильинскому погосту... Дак там-то молодняка погуще будет, им в наши дали выбираться причины нету. Довольно по округе побегать, чтоб кумпанию найти али дровишки из соседских поленниц подёргать. Нашим, почитай, и поленья для гадания на шадровитость будущих суленых выбирать негде. Али не так, Захар?

— Оно, конечно, так, но гаданье — это всё-таки собенная затейная игра. В разных случаях неоди-

наковые весточки можно получить, что же от них отмахиваться? — возразил Захарка. — Я вчерась у Пахомовых порато доброе да гладкое полешко наугад вытянул, подложил тайком в охапку у печки. Гляжу, маманя его уж утречком стопила...

— И к какому же ты оттого разумению пришёл? — усмешливо спросил отец.

— А к тому, что суждена мне встреча с гладкой и здоровой девицей навроде Ольги. И, может, обручение у нас с ней уж не за горами.

— Ну, размечтался, — Каргополец шутил над сыном. — А случаем ты не перемудрил с поспешностью — поленце-то надобно было не в дом занести, но на дворе к другим дровам подбросить. Впрочем, чего тебя учить, давно я приметил, что ты к Оленьке неровно дышишь, поскоку вы с ней годки и с ранних детских забав не разлей вода. Есть вероятность, что вас и впрямь оженить придётся, коли вы в других деревнях себе пары не сыщете. От токмо пожелает ли за тебя идти замуж сама Ольга? Она ж тебя лишь за дружка держит. Неужели она тоже из нашей поленницы загадное дровишко вытянула?

— Нет, на наш двор за поленом токмо Машка Фатьянова бегала, но ей впотьмах досталась совсем кривая коряжина. Она от расстройства чуть не заплакала. Ну, то же не про меня загад, я на корягу скрюченную совсем не похож, — горделиво отмахнулся Захар.

— Не зарекайся, сынок. Одному Богу ведомо, каким ты в жизни станешься. Но к Машутке тебе есть-таки смысл поближе приглядеться — она как раз и гладкая, и здоровая, и красой не обижена. Впрочем, с лица воду не пить. Как по судьбе выпадет, так и сложится, — толковывала сыну Евдокия Афанасьевна.

— Да энтих девок не разбери-пойми, какая и чего хочет. Ольга, вишь ли, на гольянинского Сёмку заглядывается, а Машка со вчерашнего на имя Илья запала. Потому и ходила к нашей поленнице, поскоку у нас в доме остановился назвавшийся сим имечком гость, — Захарка показал смешливым взглядом на опешившего Белозерского, который был всего на три года старше сына Каргопольца.

— От оно как получается, Илья Павлович, выходит, это на тебя девица глаз нацелила, — добродушно положил могучую руку на плечо вологжанина Савва Кузьмич. — Да ты не журись. По всему видать, на твой счёт у неё тоже

промашка вышла. Корявым этакого статного паньча никак не назовёшь. Да и судьба у тебя наверняка другого полёта.

— Фу-ты ну-ты, секрет в том, что наш Илюшенька успел себе зазнобу из Коскосалмы присмотреть, — встрял в пересмешку Тверянин. — Глядь да увезёт в Вологду дмитровскую внучку Дарьюшку. Потому он и вызвался на Водлозеро с хлебушком ехать. Я с той поры подивился, когда он в сентябре своо приказчика с нашим товаром домой отправил, а сам остался оказии сюда ожидать, аж во сне ту Дарью нечаянно поминая.

— Суженый, конечно, не камушек, не бережок — не выберешь, коль не дружок. Однако коли есть в твоих словах толика правды, Тимофей Иванович, то и тут всё ж нескладуха получается, — огорчённо развёл руками Каргополец. — На хороший цветок летит и пчёлка, и мотылёк. Слышал я, что на Дарью Дмитрову в той сторонке превеликий спрос. Женихи со всей округи чуть не в очередь стоят, а она сама к молодому соседке Кольке Онуфриеву сердцем прикипела, который там на вечёрках атаманит. Поговаривают уж о скором ихнем сговоре. В том и сермяга: не всегда наш выбор судьбы совпадает с тем, что судьба выбирает для нас.

— То пушай, Савва Кузьмич, молодые сами на святочных игрищах судьбоносные загадки разгадывают. На то им и времечко особое Отцом Небесным дадено. Нам-то почто в их будущее заглядывать? — Тимофей размышлял вслух: — Ежли желанное не сложится, наверняка случится что-нибудь иное. Одна тропинка всякий раз на другую выводит. Так и в жизни получается: всё равно сбудется, что станется. Как на роду написано... Как Бог даст, а Его ангелы да святые угодники до человек донесут!

— И то верно, Тимофей Иванович, от судьбы предначертанной никому не уйти, — согласился хозяин. — Человек может токмо подправить её своим радением во славу Господа али усугубить нарушением поставленных ему условий.

— Да что там человек! В подлунном мире всё по божеской воле деется...

Байки Саввы Каргопольца

Кудлатый Каргополец ненадолго задумался над последними словами Тверянина, слов-

но соображая, стоит ли в их продолжение снова рассказывать гостям страшные местные байки, но, предположив, что им это будет даже полезно для знакомства с краем, всё-таки решился:

— От и я о том хотел сказать. У наших нечистых похожий случай был. Посватались как-то одновременно к дочке Ильинского водяного царя два его соседки: уже знакомый вам Пречистенский и владелец недалёкого Кенозера, кое прежде соединялось с нашим Водлозером тайными протоками. Раньше они втроём тесно приятельствовали, в гости друг к дружке хаживали, вместе в карты играли, а тут некстати их интересы столкнулись. Ну, Ильинский водяник выбрал в зятя ближнего соседа — Пречистенского. Кенозерский на отказ ему смертельно обиделся, нешуточную ссору заварил, водные пути от себя к своим бывшим водлозерским приятелям отрезал да ещё и каверзу подлую против них затеял. Он подговорил сильного колдуна из Кургилова так пошешковать на выезд невесты с приданным во владения жениха, дабы свадьбу расстроить. В приданое отец отдал дочке небольшой островок, что стоял в устье речки Илексы. На нём она и отправилась к своему суженому. Колдун её предупредил, что остров будет плыть до тех пор, пока на нём поёт его петух, отправленный вместе с невестой. Однако же всё волшебство сразу закончится, коли девушка обернётся назад посмотреть на родимую сторонку. А двигался-то островок быстрёхонько, понятное дело, поднимая тучу брызг, летевших прямо в глаза. Девица однажды не выдержала того да отвортила от них лицо. Ан получилось, что обернулась. В тот же миг она окаменела, остров остановился, чуток не доплыв до Поги, а петух тут же улетел к своему зловредному хозяину. От что значаца не дотерпеть до срока, поставленные условия хотя бы случайно нарушить!

— Да полно, Савва Кузьмич, вправду ли такое могло случиться? — удивился Тимоха.

— Своими глазами я, конечно, того не видел, свечку, как говорится, не держал, — чуть замаялся рассказчик в поиске убедительных объяснений. — Простым людям нечистые редко открываются в зримом обличье. Но твёрдо свидетельствую, что хорошо известный всем водлозёрам островок в устье Илексы в тот день напрочь пропал, а точно такой же вдруг появился близ Поги, где допреж его не бывало. Да и того кургиловского кол-

дуна, который явно с водяниками и лешаками напрямую общался, впрямь вся округа боялась.

— Но есть ли причины так уж бояться козни колдунов и всякой нечисти? — подал смелый голос оправившийся от смущения Илья.

— Иные наши колдуны действительно обладают тайными знаниями и волшебными силами, доставшимися им от могучих чародеев живших здесь финских племён. Они на любого могут наслать порчу, расстройство, жуткую болезнь, вконец испортить как самого нелюбого им человека, так и отношения между людьми. Правда, против колдовских козней есть свои ведовские отвороты, коими владеют другие маги. Мы чтим их как белых ведунов. Близ Коскосалмы живёт такой волхв Пеша Корелянин, ставший оберегом той округи, — терпеливо сказывал обстоятельный Каргополец. — Однако ж супротив буйства нечистых духов возможно выстоять токмо с неодолимой божией помощью. От есть в наших краях древнее предание про Дечий остров. Сказывается в нём о тех давних временах, когда тут сплошь жили чудские язычники, не знавшие истинного христианского Бога. Тогда здешние водяные цари были в гораздо большей силе и безоговорочно навязывали водлозёрам свою злую волю. Однажды люди попросили нечистых избавить их от лишних смертей на воде. В ответ Ильинский водяник поставил перед ними страшное условие: раз в семь лет отдавать ему в жертву самую красивую незамужнюю девушку. Когда наступал роковой день, избранницу в невесты-утопленницы наряжали в свадебные одежды и на закате солнца привозили одну на мальй каменистый остров. Ночью поверх него прокатывалась огромная волна, смывая бедняжку в глубинные чертоги. Посему остров тот исстари зовётся Дечим, то бишь Девичьим. Стоит он примерно в версте к северу от Ильинского погоста, там, где тот водяник проживает. Вы мимо него нынче проезжать будете, но вряд ли заметите его под снегом, поскоку он совершенно голый и невысокий, как обычная скалистая корга.

Илюха даже раскраснелся от возмущения и не утерпел — спросил:

— И долго люди терпели этакое безобразие?!

— До тех пор, пока Христову веру не приняли. От когда окрест утвердилось Православие, ангельские силы человеческие жертвоприношения напрочь прекратили, неумеренное распутство

взбесившегося водяника уняли и самого его Именем Небесного Вседержителя зело пристрожили. Кстати, ради обращения чухонских язычников в христианство и укрепления в них православной веры сюда с небес даже спускался в огненных одежах Ангел Божий. Место то по сей день зовётся Ангиловой горой и, как я вам сказывал, находится рядом с Коскосалмой. Потом уж с возведением христианских церквей и часовен, с поселением в округе попов и святых отшельников былую мощь водлозерских водяников удалось вовсе умалить до мелких пакостей. Коли раньше на Водлозере заветными считались токмо обиталища древней чуди, как тот могильник на Киньгострове, то теперича многие местечки у нас напрямую связываются с именами православных подвижников. Староверская община в Куганаволоке до сих пор почитает святым Белый остров, где не один год подвизались до ухода на Выг знаменитый старец Корнилий и знакомый вам соловецкий священноинок Пафнутий. Зато жители той же Коскосалмы и Гостьнаволока почти век назад, напротив, шибко обидели уважаемого на севере святого Диодора Юрьегорского, наречённого в иночестве Дамианом, — длинно, витиевато сказывал Каргополец.

— Чем обидели? Приют не дали, не покормили с дороги, обругали или поколотили бедного странника? — упрямо выпрашивал Илюха.

— Побили-то его тёмные кенозерские крестьяне ещё до того, как он переплыл Водлозеро на большом камне, — убаюкивающе звучал голос Каргопольца. — Крест святой на нём, так и остался на берегу близ Коскосалмы. Тамошние жильцы старца поначалу стренули приветливо, на ночлег устроили и сытной трапезой угостили. Но уступать хоть краюху земли для задуманного преподобным Диодором монастыря наотрез отказались. А когда он после попросил того же у обитателей расположенного чуть дальше на побережье Гостьнаволока, те грубо выставили его из деревни без всякого угощения и приюта. Старец обиду стерпел, но нелестную отметину негостеприимной деревеньке с обязывающим названием всё ж поставил. Сказал он тогда о ней сии пророческие слова: «Быть же сему месту святу не пусты и не богату». От с той поры впрямь мыкаются живущие там бедолаги, перебиваясь без всякого достатка с кваса на воду. Одним словом, не нашёл святой Дамиан понимания в приглянув-

шемся ему Водлозерье. Как великий кудесник, встал он на прибрежный валун, оттолкнулся от него в небеса и улетел по воздуху дальше на север по течению Илексы. К тому озеру, кое стало прозываться Монастырским, ибо там преподобный наконец основал свою святую обитель на Юрьевой горе. Токмо след его глубокий в том водлозерском камне остался...

— Все эти байки про вещие следы и пророчества, про чудеса калик перехожих и проказы нечисти поганой похожи на старые сказки! — недоверчиво спорил Илья.

— Да мне-то что с того? За что купил у других, за то и вам продаю. Хотите — верьте, хотите — нет. А мы тут с этими досюльными старинами сызмальства в ладу выросли и нашим дедовским преданиям склонны верить крепко, — обиделся Каргополец.

— Фу-ты ну-ты, но хоть однажды тебе самому, Савва Кузьмич, доводилось с теми же местными нечистыми встречаться? — напрямик спросил Тверянин.

— Сам я, в отличие от мово бати, водяников, скажу честно, не видывал. Так я же на Пильмасозере рыбачу, куда те заплывают по случаю, а в Водлозеро выхожу редко. А там люди, бывает, застают али самого Ильинского хозяина, али его пучеглазую длинноволосую хозяйку, когда те, зелёные да нечёсаные, вылезают на камушках погреться, — твердил Савва. — Особливо часто их видят близ песчаного плёса у Канзанаволока. Чурпаются они там в воде на обмелевшей луде. Обычно с раннего утречка, как токмо солнышко выстанет. После этаких нечаянных встреч непременно какие-нибудь печальные события происходят — то войны начинаются, куда местных мужиков на смертную судьбу уводят, то просто кто-нибудь утопнет... Человек али конь, али кака друга животное...

— А на охоте лешие тебя лично донимали? — не отставал Тимоха.

— Да сколько угодно! И блуждать в дебрях зря заставляли, и пугать по-всякому пробовали. То свистом диким в ночи, то неожиданным и нещадным ветродуем посреди погожего денька, то близким лаем мелкой собачонки, коя сама по себе в глухом лесу обитать не может, однако ж всегда сопровождает своего лесного хозяина. И самого его я не однажды встречал, даже догнать пытался, следом шёл, окрикивал, думал, что иду за

знакомцами из других деревень. Но зачастую, оказывалось, попадал в те же плутни. Вам Егор Фомич Дмитриев в Коскосалме ещё не о таких страстях поведает. Он тоже бывалый полесник, знатный среди нашей охотничьей братии. Фомич-то как раз с лесовиком нос к носу стренулся. Но мужик он тёртый, от предков знает, как себя в таких случаях вести надобно, ушёл от беды чисто, хоть и малость пуганый. Это я к тому уж о нём заговорил, что за окошком чуток посветлело. Вам в дорогу пора, дабы до темноты к месту добраться.

Тимоха решил уточнить:

— Не собьёмся с пути?

— Никак, — мотнул головой Савва. — Токмо вправо-влево не сворачивайте. Поначалу посуху Горище минуете, а там уж по открытому Водлозеру мимо Гольяниц прямая дороженька наезжена до самой Рахойлы. Напротив её через проливчик Коскосалма стоит на раздольных подсежных пашнях. По-чухонски она потому так и прозвана: «пролив у подсеки». Морозы нынче держались задиристые, ледок на озере крепкий сварился, полыней не примечал. Других опасок при дневном свете не предвидится...

Вечёрка на Ангиловой горке

Примечательный вид на просторы Водлозера открывался с Ангиловой горки, не ахти какой высокой, но всё же заметно возвышавшейся и над соседней Итогорой, и над всем вытянутым с севера на юг островком. Вблизи, в возвышенной полосе стоявших друг за другом деревушек, прятались в снегу разработанные для земледелия пашни-подсеки. Чуть дальше по суше, сползая с холмов, углублялись в ближние леса поляны покосов. Следом вдоль ведущей к Канзанаволоку дороги стояли не тронутые лесорубами ельники и сосняки, принаряженные бахромой зимних нарядов. Напротив, за узким проливом, вокруг выглядевших поскуднее угодий Варишпельды и Рахойлы, тоже гудел плотный вековой лес. А с западной стороны мыса посреди снежного покрытия наметилась едва различимая серая лента накатанного по льду санника, ухидившего в сторону Гольяниц. Своим концом он терялся в белой дымке над невидимым отсюда дальним берегом, а вскоре от него отделилась растущая тёмная точка приближающихся саней.

Ближе к сумеркам в сенном сарае крестьянина Архипа Онуфриева, замыкавшем его небольшой хозяйственный двор, собрались на сходку молодые жильцы соседних деревень здешнего гнездовья: из Кургилова пришли Данила и Агафья Петровы, из Подгорья — Устинья и Фёдор Ивановы, из Коскосалмы — Дарья Дмитрова, Лёшка Сергеев, Сидор и Катерина Иевлевы, а от хозяев — Юрка Савин и признанный атаманом ватаги Николай Онуфриев с сестрой Анисьей. Анисье впервые разрешили участвовать в сборах наравне с вышедшим из подросткового возраста молодняком. Об этом в начале вечерки сверстников старший брат её объявил:

— Сегодня принимаем в наш круг мою сестру Анисью, у которой намерен на рубаху нашло. Дабы не было сомнений, покажи, Ниська, всем свои краски.

Девушка с лёгким смущением, боровшимся с природной гордостью, распахнула тулупчик и, как того требовала здешняя традиция, приподняла недавно подаренный ей матерью новенький фартук, подтверждавший изменившийся социальный статус девицы. На её белой рубашке под животом были ясно видны следы крови, долго не застирывавшиеся у водлозёрок после первых месячных. Парни уставились на эту картину с жадным любопытством в горящих глазах, но девчонки быстро прикрыли подругу от их алчных взглядов, окружив её с обязательными в таких случаях поздравлениями и щебетанием мелких практических советов. Прежде всего, они касались сокровенных бабских секретов, а именно того, как ей вернее и скорее повысить женскую привлекательность: подводить углями брови, натирать щёки клюквенным соком, затягивать талию кофтами с зауженной вязкой, какие украшения подбирать к её глазам и нарядам... Что-то они шепотком советовали Анисье ещё — чтоб ни в коем случае не стирала одежду с девичьей кровью в проточной воде и в рыбном озере, чтобы не сжигала и не выбрасывала подкладки с мелинами регул, но поглубже их закапывала в землю в тайном местечке, иначе можно наклепать порчу или внутренние боли.

Когда разговоры улеглись, атаман Колька продолжил ведение вечерки:

— Теперь поговорим о главном. Сегодня 23-е декабря, вечером наступает сочельник. Дак самое время подумать, как мы будем отмечать

Рождественские праздники, где собираться в святки на бесёды, когда и какие игры да гадания наметим... Во-первых, надо знать, ожидаются ли у нас гости из других деревень, кои собираются включиться в наши забавы. К нам в дом приедет мой знакомец из Варишпельды Петруха Михалков. Оттуда же он привезёт с собой Ксюху Лаврову. Мы сговаривались, что её по-свойски примут Савины. Так, Юрок? У кого ещё кто остановится на Рождественской неделе? Посчитаем точно, сколько нас всего наберётся — от того и плясать дальше будем.

— К нам, как обычно, будут наведываться родичи из ближней Рахойлы Иван и Татьяна Викуловы, — первой откликнулась на вопрос приятеля Дарья. — А их сосед Гришка Макаров обещался гостевать в Коскосалме у Иевлевых. К Сергеевым, знаю, придут их дальние родственники из Канзанаволока Мишка и Груша Никифоровы.

— Мы тоже ждём из Канзанаволока Парашу Устьянову, она с Никифоровыми вместе прибывает, — подключился Фёдор Иванов.

— Выходит, всего у нас соберётся почти два десятка человек. Для праздничных игрищ оно неплохо. А вот для устройства бесёд на такую ораву снова придётся проситься в избу или к вдовой тётке Журавлихе в Кургилово, или к деду Пеше Корелянину в Подгорье. По мне, так зимой лучше остановиться у безотказного деда. Старый бобыль и прежде нас по-доброму привечал. Федька, сходи к нему завтра по-соседски и договорись, чтоб после Рождества он ждал гостей, — дал Николай поручение подгорцу Иванову.

— И то верно. Дед Пеша незлобивый и славный малый. Хотя и слывет ведуном, а не страшный, да и посмотреть на вечерки молодых ему в удовольствие, — согласился Федя.

— Благо, что не колдун, как легендарный предок Петровых в Кургилове, — подначил смешливый Савин Данилу и Агафью, без того обиженных на то, что родственники и знакомые из водлозерских деревень по старой памяти опасались присылать к ним в гости на праздники своих отпрысков. Даже Яковлевы из Гостьяволока нынче вестей не подали.

— Придержи, Юрка, свой длинный язычок, а то как бы наш прадед по твою душу ночью не явился. Сам знаешь, в святки всякая нечисть повеселится над людьми горазда. Колдуны тоже

могут из гробов на обидчиков восстать, — отбрил насмешника привыкший к подобным шуткам Данила и со свойственным ему разумением добавил: — Каким бы дед Пеша ни был безотказным и незлобивым, но его тоже не помешает лишний раз задобрить достойным подарочком, не говоря уж про то, чтоб угощения на стол с собой вдоволь принести — и нам в достаток, и старому Корелянину в добавку.

— Само собой, забывать о том не след, — согласился атаман. — Ладно, о подарке я сам подумаю, дак а вы все не забудьте о съестных припасах позаботиться. Хотя бы на первую ночку. Потом уж выпросим какой-нибудь свежей выпечки в разных деревнях, когда вырядимся хухляками и пойдём забавлять православных по домам...

— Уж не знаю, у всех ли сельчан, как у Петровых, нынче муки на добрую выпечку хватит, — высказал общие сомнения шуплый и вечно голодный Сидор Иевлев. — Многие из-за неурожая остатние запасы по сусекам скребут, скупыми горсточками добавляют мучную пыль в толчёную солому и кору, чтоб хоть ещё на месяц скудных запасов хватило. А там — хоть ложись да помирай цельными семьями. Наш батя говорил, что от этакого невиданного бесхлебья до весны, пожалуй, многим живёхонькими не дотянуть.

— У нас с голоду не мрут, а только пухнут, но вот с обжорства лопаются. И ты разве по-соседски не слыхал, Сидор, как мой дедушка Егор Фомич сказывал, что просил в Даниловом монастыре прислать зерна для жителей наших островов? И ему к Рождеству твёрдо обещали оттуда верную помощь, — вступила в спор Дарья Дмитрива, связывавшая с предстоящими святочными гуляньями надежду на скорый сговор о женитьбе с Колькой.

— Не надо нас сказками манить. Абы да кабы — не росли б в лесу грибы. Да ещё бы о том та бабушка надвое сказала, — огрызнулся желчный паренёк. — Пока я того обещанного зерна своими глазами не узрю, не поверю в досужие рассказы, будто кто-то о нас, грешных, порадеть сподобится. Откуда у даниловцев-то взяться лишнему хлебу? И почему вдруг они задарма обязаны бедных водлозёров своими запасами подкармливать?

— Вовсе не задарма, — возразила Даша. — Дедушка говорил вот что... Многие наши соседи, в том числе и твой батя Прохор Семёнович, счита-

ются в Даниловской обители наравне с другими трудниками и не меньше прочих отсылают туда в добрые времена свои гостинцы — кто рыбу, кто зверя и пушную рухлядь, кто грибы и ягоды, сыры и яйца... Посему зерно нам даниловцы обещались прислать в счёт былых или грядущих поставок.

— Этакие обещания выглядят больно нахвальными. Голод не тётка, брюхо не лукошко. Всё ж я сумлеваюсь, что у самих даниловцев хлеб есть в достатке на их собственные нужды. Столько, чтоб и на нас хватило... — упрямылся Сидор.

Дарье было что на это сказать:

— Когда я осенью жила в Данилове белицей, то слышала, что, кроме сбора своего зерна, большак пустыни Андрей Дионисьевич договорился о поставках хлеба с Волги. И даже уже получил оттуда первый обоз, который просто пришлось на время припрятать от хозяйничавшего в Выгском сузёмке царёва войска.

— Я уж сказал, Дашка, ты у своей бабушки Василисы поучись сказки рассказывать, — дразнился Иевлев. — У неё всяко лучше получается. А тебе всё токмо примцилось.

— Много ты малтаешь, — огрызнулась девица. — Ницего мне не мцилось. Покуда жив человек, голодную смертью помирать не станет. Мне самой показывали того молоденького купчика с Вологды, который хлеб привёз. Ён однажды к нам в часовню в сентябре с Симеоном Денисовым приходил, братом избранного после киновиархом обители отца Андрея.

— Ха-ха, а теперь тот вологодский купчик прямо к нам с драгоценным зерном поспешает. Вон там, по озёрной лайде, не его ли санки к Рахкойле катят? — Сидор показал рукой на приближавшийся по Водлозеру возок.

— А что, может, и впрямь это к нам сани из Данилова едут, — разгорячилась Дарья. — Гляньте, вроде с тяжёлым грузом! Правда, я не уверена, что этакий молодчик сам в нашу глушь заберётся, хотя мне тогда показалось, будто на меня ён смотрел с интересом...

— Окстись, Дашутка, ты, что ли, с чужаком решила шашни завести? Смотри у меня, я токмо до поры смиренный, а осерчаю, так измену ни в жизнь не прощу, — ревниво вскипел не скрывавший тёплых чувств к соседке из Коскосалмы Колька. Он действительно уже упрасивал родителей в заведённом порядке посва-

таться к ней, но пока получил в том отказ, объяснимый общей хлебной нуждой, поразившей бедные семейства Володозерья.

— Коленька, не сердчай, я ж, дура, просто так ляпнула, к слову пришлось, — чуть приобняла желанного дружка Дарьюшка. — А с тем купчиком мы и не встречались больше. Тебе ж ведомо, какие строгие в Данилове порядки. Без тебя, милый, без наших весёлых вечёрок мне там совсем наскучило. Потому, когда дедушка меня из обители наконец вывез, я несказанно обрадовалась. Об одном там мечтала, чтоб вволю нагуляться в святки, а потом, может, удастся тебя в женихи окрутить, — девица кокетливо улыбнулась. — Как ты на это смотришь?

— Ну... Дашутка, ты же знаешь, я хоть завтра готов сватов к тебе заслать... Но батя с маменькой велят чуток поноровить, пока мы из нужды не выберемся, — смущённо замялся прежде уверенный в себе атаман.

— Так что ж нам, ребятушки, хотя бы не помечтать-то о желанной радости, о чайнном Рождественском чуде? Вот, коли в самом деле в тех санях нам зерно везут и от нужды скоро выручат, кликнешь ли ты меня, Николай Архипович, своей невестой? Говори при всех, поскоку наша с тобой любовь уж ни для кого не тайна! — гордо подняв голову, встряхнула Даша выпроставшимися из-под платка чудными русыми кудряшками.

— Слово даю! Ни о чём другом так сильно не мечтаю — вот тебе крест святой! — покрасневший от волнения Колька широко перекрестился под одобрительное улюлюканье ожившихся сверстников.

— Будем считать, что первый стговор жениха Миколая и невесты Дарьюшки при нашем свидетельстве состоялся. Однако же, атаман, не пора ли нам вернуться к святочным заботам? — немного погодя напомнил о главной теме собрания рассудительный Данька Петров. — Пусть пока кому-то есть нечего, да было бы жить весело. Бог даст, батюшка дворик продаст, а балалаечку купит. Посему мешай дело с бездельем — с ума не сойдёшь. Вот, скажем, кто не убоится нашей колдовской славы и решится снарядами к нам в деревню сунуться? А кто ещё к кому в гости пойдёт? Нам, наверно, лучше разделиться на группы поменьше, чем этакой толпой по всем домам торкаться.

— Точно. Ежели другие боятся, то к Петровым и

Варваре Журавлихе в Кургилово я сам вызовусь идти, — смело откликнулся Николай. — С собой возьму Дарью, Анисью и знакомцев из Варишпельды. Ты, Данила с Агафьей, Лёшкой, Дарьиными и сергеевскими гостями в нашу деревню пожалуешь. Фёдор с Устиньей, их приезжей подругой и Юрком Савиным в Коскосалме пошлют. А Иевлевы со всеми остальными пускай в Подгорье отправятся. Ну, это для того, чтоб мы у своих-то родных не озорничали. Любо ли так?

— По мне — любо, — первым отозвался Данька. — Как я давеча сказывал, так и исполню — в Юркин дом своим покойным прадедом-колдуном наряжусь. Не боишься, Юрок? — нарочито сурово сдвинув брови, спросил паренёк.

— Нашёл чем испугать, как ежа голым задом. Себя уморишь, а людей не удивишь. Меня же самого там в ту пору не будет. Зато я голосистым петушком сразу на трёх дворах в Коскосалме прокукарекаю, — отшутился Савин.

— Для своих гостей тоже не забудьте приготовить старые тряпки на липачи и ряпши, дабы было из чего хухлятские наряды и маски пострашнее делать. И сами постарайтесь так себя разукрасить сажей али какими иными красками, чтоб вас нелегко узнать было. Голос лишний раз не подавайте, жестами всё показывайте. Вестимо же, хозяевам вас узнать будет в добрую примету и довольство, а вам в досаду, — наставлял ватагу Колька.

— Девчонки, ещё бы надо не забыть принести к деду Пеше зеркало, — по-соседски напомнила Устинья Иванова. — У него-то нету, а после Рождества, когда позволительно гадать по отражениям в воде и зеркалах, оно нам зело понадобится.

— А хоть хомут-то старый для наших загадок в Подгорье найдётся, чтоб с собой туда этакий груз не волочь? — спросил Лёшка Сергеев.

— Ежели у деда его не окажется, мы свой дадим, — выручил расторопный Фёдка вдруг растерявшуюся сестру, отметив про себя, что она, похоже, к Лёхе равнодушна.

— Коленька, а сегодня мы будем устраивать какие-нибудь гадания? — робко спросила у старшего брата Анисья, которой не терпелось впервые наравне с другими поучаствовать в недоступных для подростков молодёжных ведовских обрядах. — Вон уж стемнело совсем, как раз страх разбирает на судьбоносные вещи звуки...

Жёрнов, подскажи суженого...

Окутавшую окрестности тишину вдруг нарушил безудержный лай деревенских собак, сквозь который всё громче пробивался звон поддужного колокольчика, уверивший всех, что ранее замеченные на озере сани, преодолев пролив от Рахойлы, уже взобрались на взгорок и мимо Ангиловой горы направились в сторону Коскосалмы.

— Вон был бы тебе, Аниська, желанный вещий звук, ежели б мы те санки издали не приметили, — наконец ответил на повисший в воздухе вопрос сеструхи Николай, вместе со всеми тоже прислушивавшийся к звонкому колокольчику, угадывая направление движения проезжих. — Жаль, что у нас для гаданий росстаней маловато. От соединяющей наши деревни дороги токмо отворотка через салму на Рахойлу да путь к Канзанаволоку. Да и мы, сестрёнка, туда уж не однажды хаживали. И поленья друг у дружки из дровниц вдоволь понадёргали. На шкуре, правда, нынче не сиживали. Так, слава богу, ни коровы, ни телята ни у кого из соседей не околели. Скотинке-то, вишь, корму хватает. А мы даже угадливого петуха на зёрна запустить не можем, поскоку каждое зёрнышко беречь должны. Разве что жернова остаётся покрутить. Гляньте, я их загодя подготовил и поставил на сосновый чурбан. Ну, кто первым судьбину спытает? Тут нам никакая темень не помеха. Сами скрежетом да визгом все вечерние кубани распугаем. В этом деле важнее своё ухо остро держать, дабы угадать имечко будущих суженых. Давай-ка, Анисья, подходи, первой попробуй крутануть жёрнов на полный оборот!

Анисья попробовала сдвинуть жёрнов по краю вправо. Сначала она с усилием толкнула его от себя ладонью, потом, зацепив пальцами внутреннее отверстие, сама пошла вслед за движением камня. Тяжёлый для слабеньких рученок девицы каменный круг поддавался с трудом, но всё-таки проворачивался над подложенной под ним скрипучей основой, от трения с которой издавал долгий треск, до мурашек царапавший слух. Окружившие гадальщицу ребята морщились от неприятных ощущений, однако не теряли интереса к разгадыванию возможного имени вероятного Аниськиного жениха.

— Тр-р-р-офим... Дмит-р-р-ий... Гр-р-ригорий... — высказывали они догадки.

— А мне самой послышалось — Георгий, — призналась сестрёнка атамана.

— Знать, тебе желанное ближе будет, — вспомнил ведовское правило Лёшка Сергеев. — Я-то поначалу подумал про Гришку Макарова из Рахойлы. А ты, видать, Ниська, по своему соседу Савину сохнешь. Юрок, ить ежли тебя полным имечком величать, ты как раз тем Георгием и окажешься...

Все дружно расхохотались шутке, в которой, пожалуй, была доля правды — намёк на давнюю дружбу юных ангилогорских жителей, явно более тесную, чем с ровесниками из других деревень. Шебутной Юрка, ничуть не обижаясь на подначку, смеялся вместе со всеми, но, чтобы отвлечь внимание остальных от смутившейся Анисьи, вызвался крутить жёрнов следующим.

— Каменюку надобно порезче двигать, тогда никаких ошибок не случится, — Юрок крепко взялся за край круга с обхватом, насколько хватило длины руки, и рывком потянул его на себя, быстро выкрутив на полный оборот. Рычащих составляющих в получившемся созвучье почти не послышалось, зато в нём оказалось больше шипящего свиста.

— Стеша... Ксюша... Устинья... Маруся... — снова начались угадки свидетелей.

— А почему же не Анисья? — встрял неугомонный Лёха со своим замечанием, опять вызвавшим взрыв смеха. — Как сам-то гадальщик считает?

— Да мне что? Честно признаюсь, мне Анисья сызмальства по душе. Я совсем не прочь с ней ухагорить, дабы чужаки на неё не заглядывали, — с лёгким сердцем согласился Юрка, смело взяв клюквенно покрасневшую соседку под руку и заявляя тем самым об образовании новой молодёжной пары.

— Ладно, Юрок, тебе я доверяю и ничуть не буду возражать, чтоб мы со временем породнились. Да, конечно, в том случае, ежели вы до того себе других сердечных дружков не сыщете, — поощрительно хлопнул закадычного приятеля по плечу Николай и сурово предупредил: — Но, глядите у меня, до свадьбы чтоб никакого стыда не пустили, не то головы оторву.

— Не сердчай, Микола. Нешто мы обычаев не знаем. За сестру будь спокоен — и сам не ам, и другим не дам, — под одобрительный гул вёчерки ответил Савин.

Затем ватага увлеклась предложенной игрой и отступилась от неё, только когда все окончательно продрогли от осерчавшего сочельнического мороза. Расходились молодые водлозёры по своим деревням, сполна довольные устроенной забавой, благодарили атамана за интересную придумку и весело обсуждали запомнившиеся подробности гадания. Для каждой группы предусмотрительный Николай выделил по одному факелу из сложенных в большом бураке с лета пропитанных сосновой смолой палок, концы которых зажёл вынесенной из дома горящей лучиной. Провожая Дарью с односельчанами в Коскосалму, он довёл её до дальней околицы, обозначавшей последней изгородью границу ангилогорских пашен.

— До встречи после Рождества, любая моя Дашутка. Будем верить, что всё у нас сладится, как загадано, — не стесняясь ушедших вперёд Дарьиных соседей, парень крепко обнял и поцеловал в губы подругу, которую на вёчерке прилюдно назвал своей невестой.

— На то ёно и Рождество, чтоб самые сокровенные желания исполнились... Но сейчас, Коленька, ты меня не задерживай лишку. Дай своих скорее догнать, чтоб меня какой-нибудь непутёвый лешак в потёмках не умыкнул. До свидания, милый! Я к тебе уже нынешней ночью во сне явлюся, — озорно рассмеявшись, чуть оттолкнула от себя любимого Даша и бочком, продолжая помахивать ему на прощание рукой, ускорила шаг за удалявшимся огоньком факела.

— Дарьюшка, запомятовал сказать, ты завтра с утра пришли к нам братца Артёмку. Пусть новости о приезжих расскажет. Авось и впрямь, по твоей догадке, нам хлебная помощь из Данилова поспела, — уже вслед прокричал во тьму Колька, вдруг вспомнивший о самом желанном Рождественском чуде.

— Хо-ро-шо! При-шлю!.. — донёсся из снежной мглы улетающий в звёздную высь звонкий девичий голос.

Беседа с большаком Дмитривым

Ночью Даша долго не могла уснуть от охватившего её волнения после встречи с тем самым молодым купцом, заинтересованные взгляды которого поймала на себе ещё осенью в Даниловском монастыре. Оказалось, это именно его сани прокатились наледни по льду озера и действительно привезли в Коскосалму обещанный деду хлебный припас. Впору было радоваться исполнению заветного желания, поскольку пополнение зерном оскудевших закромов бедных крестьянских хозяйств наконец снимало все условные преграды перед тем, что их состоявшийся на вёчерке сговор с Колей Онуфриевым обернётся теперь одобренным родителями жениха сватовством. Однако одновременно Дарья ненароком почувствовала какую-то новую угрозу осуществлению былых мечтаний. Уж больно внимательно и ласково снова смотрел на неё тот незнакомый красивый парень, будто сам хотел сделать ей предложение о женитьбе. Хоть девушка всячески старалась отогнать от себя глупые мысли, сердце её всё же тревожно заколотилось.

Смущённо поздоровавшись с приезжими, которых суетливая бабушка Василиса и степенный Егор Фомич, сиявший от удовольствия, как масленичный блин, уважительно потчевали скромными постными угощениями за столом под образами, Дарьюшка ужинать отказалась, лишь глотнула воды из ковша и быстро юркнула за плотную занавеску в свою светёлку, где они спали на одной кровати с матерью Настасьей Игнатьевной. Скинув сарафан, она тут же нырнула в постель, с головой укрывшись стёганым лоскутным одеялом. Но сон не приходил. Даже когда рядом прилегла сразу заснувшая с устатку мама и в дедовской горнице хозяева с гостями успокоенно устроились на ночлег, разрозненные мысли продолжали нервно плясать в девичьей голове:

«Вот уж накликала я беду нечаянную. Кто вправду мог подумать, что тот паренёк нам зерно привезёт? О том просто так было сказано, предположительно, в запале... Кстати, как ёго зовут-то? Кажись, Ильёй. Чуть не запомятовала от растерянности. Дёрнул же меня давеча лешак за язык вспомнить про этого вологодского красавчика при Кольке... Ён теперь невесть что о

чужаке подумает, впрямь ухажёром моим посчитает, заревнует без удержки, а то ещё и в драку ползет... Ён у меня такой — шептунной, горячей... Хотя купчик, похоже, тоже не робкого десятка. И постарше да посильнее Кольки будет. Не дай бог, ёни на кулачках меж собой сойдутся... Незнамо, кто кого одолеет. И всё равно стыда не оберёшься. На тебе, приехал человек с доброй посылочкой для всей округи, а тут ёго вдруг рукоприкладством отблагодарят. Дед, глядишь, на Кольку осерчает. Как бы сватовство не расстроилось. Да и гостя безвинного жалко... Ён пока ничего предосудительного не сделал. Ну и что, будто на меня поглядел ласково? Может, у ёго натура такая. Ан нет, обманываю я себя... Мне бы обидно стало, ежели ён ко мне никакого тёплого чувства не испытывает... А внимание этакого молодца даже приятно... И сам ён, признаться честно, хорош собой... Кабы с Колькой у нас не сладилось, я бы тоже этим вологжанином заинтересовалась, а то и влюбилась по уши. Тьфу-тьфу-тьфу... Прости мя, Господи, за грешные мысли! И ты, милый мой Коленька, прости меня, дурочку, за малую слабость. Никогда тебе о том не скажу. Мы же с тобой давно поняли, что жить друг без дружки не сможем. Не чета тому Илье, который заехал в наши края случайно и опять уедет насовсем. Пусть я нынче приснюсь моему суженому Николаю желанной и верной, любимой и любящей... Да так, чтоб я к ёму голубилась, а ён не тетерился. Но потом всё ж не забуду Колюху предупредить, чтобы никаких глупостей от ревности не наделал. И ты тоже, мой колкий Колька, приснись мне в тили-тили-тесте, как жених невесте...»

Утро сочельника забывшаяся в нахлынувшем крепком сне Даша чуть не проспала. Очнувшись уж со светом, пробивавшимся через щелистые ставни. Не могла припомнить, приснился ли ей желанный Колька. Но о давешних терзаниях помнила, потому, одевшись и аккуратно расчесав роскошные волосы костяным гребешком, выглянула в горницу с опаской, чтобы избежать нечаянной встречи взглядами с молодым вологжанином.

Домашние и гости успели позавтракать медовым сочивом. Мама с бабушкой Василисой раскатывали на одной стороне стола тесто для рождественских пирогов и житников — небольших ряженных хлебцев, которыми в святки одаривали

навестивших дом ряженных хухляков и подростков-христославленников. У другого конца стола, ближнего к красному углу, тихо беседовали между собой дед Егор и даниловские посланцы. Благо, смущавший Дарью Илья сидел спиной к ней, по правую руку от коскосалминского большака, который на дальней лавке делал обуглившимися кончиками прогоревших лучин какие-то пометки по лежавшей перед ним шершавой, неструганой доске. Дарья, не торопясь выходить из-за плотной занавески, прислушалась к заинтересовавшему её разговору, присела у косяка двери на корточки, притаилась, прижавшись к липине...

— Славно, конечно, что вы нам столько хлеба разом привезли, но энто токмо с первого взгляда кажется, будто его много, — бурчал под нос Егор Фомич. — А вот стоит его промеж наших голодных ртов поделить, едва с сим зерном до лета протянем... Дабы весной засеяться, сызнова придётся на поклон в Данилов ехать, испрашивать хоть толику семенного ячменя... Правда, к тому времени мы поспеем нонешний должок отработать.

— Неужто ты, Фомич, на всех окрестных жильцов зерно делишь? Так и впрямь никакой даниловской помощи не хватит, — пытаясь понять, как большак развёрстывает привезённые ему мешки по пудам да полупудикам рядом с условными обозначениями деревень и проживающих там семейств, удивлённо спросил углубившегося с подсчёты хозяина Тимофей Тверянин.

— Ну, не всем, однако... И не каждому одинако, — раздумчиво ответил Фомич, не случайно почитавшийся за главного местного умника — грамотея и математика. — Тут многое от количества ртов в семье зависит и от возможной отдачи. Вот за бобыля деда Пешу из Подгорья и оставшуюся с двумя малыми ребятами вдовицу Варвару Журавлиху из Кургилова вся наша община готова поручиться сложением своих вкладов. А ёни уж, даст Бог, перед нами по-свойски отчитаются... Кореляк Пеша хоть пришлый и одинокий, но своим чародейным ведовством всеобщее уважение заслужил. Ён и знахарь знатный, и незаменимый посредник в общении с нечистыми духами, и надёжный защитник округи от чужих колдунов. Ну и на бедной тётке Журавлихе тоже никакой вины нету в том, что её муженька Мишаню Журавля почти три го-

дочка назад водяник на рыбном промысле вместе с нашим сыночком Никитушкой в свои чертоги угрёб... С того случая наши внучата, как и её детишки, сиротинушками остались.

— Отчего ж так получилось? — бездумно поинтересовался Тимоха. — О недосмотре даже помыслить невозможно, зная, какие опытные рыбаки тут проживают...

— Эх, ёлочки-сосёночки... Не всё в жизни от человека зависит. Наши мужички впрямь были ушлыми да умелыми промысловиками. Как в рыбацком деле, так и в любой полесной охоте. Сам я их сызмальства всяким хитростям учил. А уж подружился Никитка с Мишаткой накрепко ещё в юношеских забавах — прямо не разлей вода. Тьфу-тьфу, прости мя, Господи, грешного! Так и вышло — в воде ёни вместе обчую смертушку сыскали... Всё бы ладно у них сложилось, но надо же, в редкий смерч на озере попали. Потом люди возле заветного Киньгострова, где древняя чужь захоронена, их перевёрнутую водлозёрку нашли. Но тела наших сыночков водяник вовсе не возвратил. Наверно, в сетях запутал и на дно уволок... Ёму ж там этакие славные работнички тоже потребны, — пригорюнившись и оттого сразу сгорбившись, задрожавшим от злой памяти голосом рассказывал прослезившийся дед.

— Прости, Егор Фомич, за то, что нечаянно разбередили твою душевную рану. Однако раз уж разговор о том зашёл, объясни, почему судьбу утопленников непременно с водяным царём увязываешь? — осторожно спросил Илюха, надеясь отвлечь старого полесника от нахлынувших переживаний.

— Эх, внучок, почитай заросла моя рана, уже свыкся с потерей. Живым продолжать жить назначено. Не зря сказывают, с люльки до могилки — всё в заботах, — успокаиваясь, протёр старик кулаком повлажневшие глаза. — А что касемо догадок о кознях водяного, дак приметную нашу родимую оставили. В днище их лодочки топор был лезвием воткнул. Этак местные рыбаки завсегда от водяников отбиваются. Кабы не смерч лихой, наши б тоже нечистому не поддались... Но былого не воротишь. Нам теперь за них придётся детушек на ноги поднимать... Дашутка-то у нас, сами видели, девица на загляденье и уже на выданье. Ждём, что её скоренько Колька Онуфриев с Ангилгоры в невесты кликнет. Даст Бог, Артёмку тоже выраст-

тим, пока силы есть. Да и Журавлихиных деток без куска хлеба не оставим...

— Однако кого же ты, Егор Фомич, в свой хлебный список вовсе не включаешь? — больше для поддержания беседы уныло спросил Илья, испытывая кольнувшее сердце огорчение от подтвердившегося известия о том, что приглянувшаяся ему Дарьюшка в самом деле скоро заневестится. значица

— Так всякие ж люди в сузёмке живут. И трудники надёжные, и прохвосты-лодыри, и зажитники-хитрованы... Одно дело, что не каждый крестьянский двор состоит у нас в уговоре с Даниловской обителью и обещается отработать полученное в нужде зерно. Иные прохиндеи предпочитают выпрашивать хлеб у соседей под обязательства, даваемые лично им. Другое дело, есть в деревнях крепкие зажиточные хозяйства, имеющие в закромах собственные запасы зерновых как на пропитание, так и на будущий сев.

— Фу-ты ну-ты, нешто до них неурожаи некасаемы? — удивился Тимоха, помнивший, что для насельников Данилова злые зяблые годы оказывались общей бедой.

— Ан, не угадал, — большак увлекся объяснением водлозерскихособинок. — Тут в другом сермяга кроется. В размере и источниках получаемого ими дохода. Кому-то от природы дадено махлачить да пановать... А иным торговые али договорные барыши по закладным бумагам позволяют существовать безбедно, дабы на ярмарках в Шуныге али Кенозере отовариваться и мануфактурами добрыми, и справным хозяйственным инструментом, и хлебными припасами, и любыми прочими полезными вещичками...

— Откуда ж барыши в лесной глуши? — Тверянин не мог понять занозившей его загадки. — Вроде все под Богом ходите, одни дела делаете, одной мерой меряетесь...

— Так да не так! Наше авось не с дуба сорвалось, — глубокомысленно ответил Фомич, с зацепившим его интересом отвлекшийся от своих переживаний и расчётов. — Уж поверьте на слово, коньдородная жизнь не всякому Якову назначена. Нам вот было не мёд на ломоть, а иным подфартило поболее. Обстоятельства, при коих окрепли некоторые наши соседушки, случились ещё в стародавние времена. Сказывают, даже до опричнины, в границы

коей государь Иван Васильевич Грозный определил земли северного Водлозерья.

— Небось, туго тут тогда пришлось от бесстыдства опричников, — вставил замечание Илья, почему-то вдруг вспомнивший историю жестокой мести дедов наглым дворянским захребетникам за гибель прабабки Марфы и бабушки Дуни.

— Как раз нет, — опроверг гостя Дмитров. — Бают, что сами опричные служивые в наших краях почти не появлялись. Зато по налогам местным крестьянам, напротив, от них заметная побляжка обозначилась в сравнении с той тяжкой податью, коя прежде платилась с обжи да с копны в царскую казну. Оттого-то в ту пору сюда немало нового люду переселилось на свободные земли, по большей части отнятые у новгородских бояр.

— Скажи ещё, будто с этихких малых побляжек водлозерские людишки сами разбогатеть успели, — торопил собеседника раскрыть загадку Тимоха.

— Не мели зря языком, Иваныч, — едва не осерчал большак. — Говорил уж вам, что достаток к иным старожилам допрежь того пришёл, а ежели в те времена, то совсем не по причине опричных льгот. Оказалось, среди них тоже были наследственные владельцы здешних земель, окромя боярских вотчин. Вот, для примера, в Канзанаволоке издавна живут потомки тутошних чудских старост, отделившихся ото всех на своём семейном мысу. Так, кстати, название того местечка с чудского языка переводится. Один из них, кажись, Игнатий Никифоров, как раз продал Кирилло-Белозерскому монастырю по купчей грамоте немалый кус пашен и охотничье-рыболовецких угодий от устья Илексы до речки Новгуды да вдобавок к тому на Нельмозере. Дак Никифоровы с той сделки не обеднели дононеча и в посторонней помощи ничуть не нуждаются. Благо, хоть с нашими деревеньками канзанаволоцкие насельники мирно поделили остров пополам — по половинному кресту, что стоит посередине дороги между нами...

— Всё ж, надо думать, мало кому свалилось на голову наследство от чудской знати, а ты, Егор Фомич, говоришь о достатке соседей как о вполне устойчивом состоянии дел... В счёт чего другим-то удача улыбнулась? — не унимался насыщенный Тверянин.

— Ёлочки-сосёночки, да тоже в счёт заключения особых договоров с ближними и дальними монастырями, — дед был снова вынужден уточнять подробности на примерах. — Предки тех же Петровых из Кургилова аж лет полтора назад подписали договорную грамотку с Кирилло-Белозерской обителью о поставках туда рыбы щучины, лещевины и судачины, а бог пошлёт, то и сиговины на Рождество Христово... Остальные токмо себя рыбным промыслом кормят, а кургиловские счастливики налаженный сбыт имеют да по хорошей цене, которая тут никому и не снилась. При случае могут у других рыбарей недостающую им рыбку прикупить, дабы потом её монахам подороже продать... Посему и ёни особой нужды не ведают...

— Повезло им, что они в монастырскую кабалу не попали, — вставил слово Илья.

— И о том можно поспорить! — опять не согласился с собеседником Дмитров. — На соседнем Колгострове в довольстве живут потомки одного из русских первопоселенцев Ивашки Лагирия, как раз подписавшие с Кирилло-Белозерским келарем закладные кабалы на принадлежавшие им пахотные земли и покосы. Всем знамо, что лагиревские сынки Сидор Иванов с Александровской деревеньки и Костя Иванов с Костина двора от тех кабальных грамоток даже завидную выгоду поимели. Ёни ж сами продолжили крестьянствовать на тех землях, зато подати в казну платил за них монастырь...

— Фу-ты ну-ты, в толк не возьму: обитель-то что с этакой пустой кабалы выиграла?

— Собака тут зарыта в дополнительных условиях тех уговоров. Конечно, для виду в них значились поставки каких-то сельских продуктов на монастырский стол. Но главный интерес монасей состоял в протяжке потаённой цепочки по доставке к ним соли из Поморья через Илексу и Водлозеро, — открыл еще один секрет мудрый дед. — Царь Иван Грозный повелел в Каргополе немалую пошлину за поморскую соль брать, а тут мимо царской таможни беспошлинный ручёк протекал. Как раз с того и колгостровцам чуток в достаток перепало. Крепенько на ноги встали, в сравнении с другими запановали.

— По всему выходит, где есть дыра, там голь на выдумку хитра... — теперь удовлетворённо выдохнул Тимоха.

Будем здоровы, пока есть коровы

— Точно так получается, гости дорогие, — увлечённый рассказами о сметке водлозёров, Егор Дмитриев вовсе отложил в сторону дощечку с хлебными расчётами и взялся вспоминать новые примеры в разной степени удачливых хозяйственных инициатив земляков. — Эх, ёлочки-сосёночки да все мои девчоночки! Умный мужик завсегда какую-нибудь лазейку для облегчения своей жизни найдёт. Глядь, изменились времена. Ту Александровскую деревню нонче уж Колгостровом кличут. И теперь не Кирилло-Белозерскому монастырю ёна подчиняется, но нашему ближнему Юрьегорскому. И какая, догадайтесь, от него главная повинность досталась тем колгостровским поселянам?

— Тож, небось, рыбку для монасей ловить, — предположил Илья.

— Или пушную рухлядь добывать... — высказал свою догадку и Тверянин.

— Ан, опять не угадали, — хохотнул большак. — Ёни там подрядились монастырский скот содержать и пасти заодно со своим стадом. А следом за ними такой же подряд взяли насельники соседней деревеньки Вачиловской. значица, окромя прочих крестьянских хлопот столь посильное монастырское послушание им только в прибыток идёт.

— Нешто на том Колгострове пастбища какие-то особенные, травы сочнее? И если сия кабала другим выгоду приносит, почему же ваши соседи-крестьяне, Егор Фомич, в монастырские скотники не записываются, хотя живут в бедности? Ума, что ли, не хватило? — запальчиво спросил Илюха, удивившийся подмеченным местным контрастам.

— Не горячись, мил человек, но попробуй вникнуть в наше положение, — снова набравшись терпения, взялся объяснять рассудительный полесник. — Нам же занятие то не удружил никто. Видать, в недобрую память об отказе наших предков преподобному Дамиану обустроить тут свою святую обитель. Пожалуй, отчасти потому наше гнездовье к новообрядным монастырям не пристало, но в основном старовеерским осталось. И теснее прибилося к Даниловской пустыни, взявшей нас под защиту и опеку.

— Фу-ты ну-ты, колья гнуты, вот, оказывается, по какой житейской причине вы от дедовс-

кой веры не отказываетесь, — готов был обидеться Тимоха.

— Не так ты всё понял, Тимофей Иванович, — успокаивал даниловца Дмитриев. — Не торопись передёргивать мои слова. От веры нашей мы до смерти не отстанем. Да одни всё равно не сдюжим. Так или иначе, к силе какой-то надо прибиться, к надёжному берегу...

— А к какому же берегу прибились ваши земляки из Гостьнаволока? Нам Савва Каргополец сказывал, что они поболее коскосалминцев перед Диодором Юрьегорским провинились, — вспомнил Илья запавшую на ум историю.

— Видать, за то ёни поболее нашего и наказаны, — огорошил отрока старик охотник. — Хотя тот случай вроде до их встречи с преподобным Диодором произошёл, ещё при основании деревни. Однако в людской молве ён слился с последовавшей первопричиной, будто как провидение злого рока. Дело было так. Бают, что заложил ту деревеньку какой-то новгородский торговый гость. Денег у ёго оказалось в достатке. На них ён купил коров и раздал их на выпас крестьянам. Наши нивы водлозерские стал осваивать. И, надо признать, с завидным успехом! Для переработки излишков молока, получаемого им в счёт выплаты аренды за коров, ён нанял батраков, построил сыродельни и в самом Гостьнаволоке, и выше по реке — в Усть-Илексе, на Лопиннаволоке, на Карельском острове, в Подсиговце... Сыр там делали по древним традициям — из высушенного на противнях в печи подсоленного творога. Так ён долго не портится. Соловецкий монастырь с довольствием стал сей добрый продукт покупать для прокормления своих монасей и солеваров. Все сии начинания обещали скорый расцвет нашего глухого края. Но однажды столь много обещавшая затея лопнула и сдулась, как проколотый бычий пузырь.

— Отчего же? Убили, что ли, вашего благодетеля? — Илюха не терял интереса к байке.

Большак лишь ухмыльнулся:

— В кандалы ёго заковали да увезли в Новгород на расправу! Когда по громкому следу торгового дела ярыги к ёму пригляделись, то выяснили, что никакой ён не купец, а приказчик беглый, который своо хозяина убил, а деньгу присвоил. Выходит, поплатился ён за то, что не смог тихо в усадёбке лесной сидеть, но всё большего богатства жаждал.

— А куда ж потом все его коровы делись? — спросил хозяйственный Тверянин.

— Вслед за колодником их угнали, милых, — Фомич махнул рукой куда-то вдаль. — Представьте, сколь большое стадо у ёго образовалось. Когда первая бурёнка дошла до Канзанаволока, последняя на лёд возле Гостянаволока ступила! Эвон какая вереница вытянулась — вот сколько коров кормилось тогда на пастбищах нашей округи...

— Хочешь сказать, что не зря Юрьегорская обитель на ваши травы глаз положила? — Тимоха продолжал допрос с пристрастием.

— О том отдельная история есть, касаемая особой сочности колгостровских пастбищ да ливных покосов, — снова усмехнулся большак. — Их ещё исстари Ильинский водяной царь для коровёнок своих облюбовал.

— Фу-ты ну-ты, опять пошли сказки про белого бычка и знаменитого водяного...

Дмитров перебил:

— Уж не знаю, сказки ли, но предание этакое в народе сохранилось, будто повадился тот водяник своих коров по ночам на ближние крестьянские нивья выгонять, — повёл дед рассказ в духе Саввы Каргопольца. — А один вачиловский мужичок шибко осерчал на потраву покосов, подстерёг вышедшее из озера на берег стадо да одну водяную корову словил и поставил себе в хлев. Прежде жил ён бедно, а тут разбогател, будто на дрожжах. Не было ни гроша — и вдруг алтын. Коровка подводная больно удойной оказалась. По два-три подойника молока в сутки стала приносить, в пять-десять раз больше земных сродниц. Правда, самому мужику ходу с тех пор с острова не стало. Не то что днём к воде боялся близко подойти, так и ночью покой потерял. Водяник затемно вокруг его избы колобродил и всё просил вернуть ему утраченную собственность. Наконец уговорились крестьянин с водяным о возврате коровы — с тем условием, что больше потрав на берегу не будет. А пастбища Колгострова после того в добрую славу вошли, словно бы и наши деревенские бурёнки, погуляв на них, стали лучше доиться. Уж не скажешь, как бывало, коровушка с кошку, а молока с ложку... Теперича там чудному молоку дак и места нет.

— Дивлюсь, что недоверчивые монаси сей байкой сблазнили, — хохотнул Тимоха. — Однако

же мне, Егор Фомич, всё-таки хочется уяснить, как у ваших бедняков отношения с благополучными соседями складываются. Не ссоритесь, не завидуете друг дружке?

— Чему ж завидовать? — Дмитров вновь стал мудро рассудительным. — Каждому Господь Бог свою меру за труды даёт, а Пресвятая Богородица Покровом своим дарит. Живём мы все на виду. Многие по-родственному накрепко повязаны. О любом жильце знаем, кто щедр, кто прижимист, кто поможет в нужде, а кто сам ближнего в кабалу готов упрячь... Одним душу открыть можем, других стороной обходим. А в том никакого греха нет, ежели иные махлачные семьи самостоятельно выжить могут. Но нам вот сподручнее на силу общины опираться. Потому мы и выбрали для себя доброе Поморское согласие. На том стоим крепко. От тех, кто посильнее, не зависим, а слабых выручаем. С нововеерами в дразги не встречаем, но единоверцев в обиду не даём. Словом, вполне дружелюбно мы живём с разными соседями, с обоюдным пониманием, уважительно и к ним, и к себе.

— Как мы, Егор Фомич, уразумели, в Канзанаволоке да на Колгострове поменьше будет нуждающихся в даниловской хлебной помощи, — ещё раз решил уточнить Тверянин.

Большак положил ладонь на доску с расчетами:

— В Канзанаволоке, пожалуй, таковых совсем нету, а на Колгострове пара бедных дворов среди махлаков всё ж найдётся. Туда мы после Рождества наведемся. Но в основе, впрямь, дело зерно на ближних жильцов.

Тайком подслушивавшая разговор Дарья словно только этих слов ждала. Вспомнив обещание, данное накануне вечером Николаю Онуфриеву, она решительно откинула занавеску и вышла в горницу со словами:

— Доброго всем утречка! Извиняйте сердечно, что припозднилась. Но беседу вашу, дедушка, чуток слышала. И вот о чём подумала. Быть может, не мешает братца Артёмку послать к тем соседям, кому вы зерно выделили. Пусть поскорее приедут да хлеб заберут. Ведь Рождество уж на носу. А людям, наверно, праздник даже не с чем встречать. Вы бы их доброй весточкой и славными подарками в самое время порадовали.

— Спаси тя Господи, Дарьюшка! Мы тебя,

соню, будить не стали. Догадываемся, что в святки вашей молодёжной ватаге немало сил на ночные игрища понадобится, — ответил за всех расплывшийся в широкой улыбке дед, мигом сбросивший только что заботившие его серьёзные размышления и будто помолодевший от просветлевшего любящего взгляда, которым оглядел статную красавицу внучку.

Немного погодя, сполна оценив её предложение, Фомич с гордостью добавил:

— Ёлочка-сосёночка, а ведь умница Дашутка дело говорит. Давно пора уж людей оповестить, чтоб за хлебом шли да поспели к празднику выпечку наладить. Кликни-ка, внучка, Артемия с улицы и из соседских мальчишек кого-нибудь позови. Тёмку по деревням до Кургилова отправим, а другого пацана через салму в Рахойлу, Варишпельду и Гостьнаволок пошлём. Пусть пождут меня у крыльца. Токмо каньги натяну да тулуп накину, так к ним выйду, объясню, кому что передать...

Ошибка Пеши Корелянина

Средовласый Пеша Корелянин с неутраченной ещё мощью наиспашку кячкал тяжёлым топором дрова возле припорошенной снегом поленицы. Ростом он был высок, телом сухошав, но ещё крепок для его преклонного возраста. Вряд ли он и сам помнил, сколько годков топчет северную землю, только догадывался, что больше семидесяти. Сельчане удивлялись железному здоровью старика, который никогда не жаловался на донимавшие обычных людей болячки. Данную ему Богом телесную крепь люди прямо связывали с его завидной силой духа. Ну и, конечно, с магическими способностями знатного ведуна.

Как ни странно, за могучее чародейство деда Пешу близко знавшие его водлозёры совсем не боялись. Уважали — да, а страха не испытывали, как к иным злым колдунам из Кенозерья или южных водлозерских деревушек. Наверное, потому, что не помнили, чтоб излучавший своим взглядом мудрое спокойствие старый карел сделал кому-нибудь хоть какую-то пакость. Помнили только его добрые дела: одних он излечил от казавшейся смертельной хвори, другим давал верный отпуск на летний выпас скотины, треть-

их снабжал тайными заговорами на удачливую охоту и рыбалку или надёжными оберегами от порчи на свадебных торжествах... Его почитали белым ведуном, полагая, что он вовсе не чёрной магией занимался, не злыми заклятьями колдовал, но многое ведал и благодаря накопленным тайным знаниям неким мощным воздействием мог управлять ходом обыденных явлений, что было непостижимо для непосвящённых. Никто не знал, откуда у него что взялось — то ли случайный дар природы, то ли по наследованию от предков-шаманов, то ли от многолетнего изучения магических таинств с опытным чародеем-наставником...

Так и знать много не могли местные соседи о его прошлом. На берегах Водлозера дед Пеша обосновался лет двадцать тому. Поначалу остановился в заброшенной жителями Рахойле. За ней перед тем утвердилась слава гнездовья оставшихся без сдерживающего хозяйского пригляда беспокойных домовых, укротить которых под силу только опытному магу. Пришлый карел с этим справился без труда, дав возможность после обустроиться в той деревне новым поселенцам. А спустя пару лет он сам перебрался через проливчик в Подгорье, где освободился домик после естественной смерти последнего престарелого обитателя. Похоже, опять быстро нашёл общий язык с семейством потусторонних хозяев, наладив своё бесхитрое бобыльское житьё вполне складно да ладно.

О подробностях былой жизни дед рассказывал редко и скупое. Разве что на молодёжных вечерах, становившем которых облюбовали его жилище весёлые юношеские ватаги, старик иногда уговаривался на расспросы участников бесёд и баял им всякие нелепые сказки. Чаше всего, понятно, чудесные и страшные, каких от него всегда ждали искренне полюбившие мудрого ведуна бесшабашные парни и девчата. Например, о его встречах и уговорах с лешаками, водяными, домовыми да банными... От иных жутких подробностей у ребят мурашки по коже скакали. Трясутся уж они от страха, а им всё новые случаи подавай, добавочные обстоятельства, подробности и детали.

Среди былей и небылей от деда Пеши порой проскальзывали случаи из его жизни. По ним выходило, что родился и вырос он где-то в юго-западной Карелии, неподалёку от славившейся

неведомыми силами Воттоваары. По-русски то загадочное взгорье прозывалось Смерть-горой. Там находилось скопление древних сейдов — поставленных на камушки помельче крупных валунов разного размера, которые жившие там прежде саамы почитали за магические обереги. Говаривали, там происходили чудеса: то люди попадали в иные миры, то встречались с бестелесными светящимися существами, обладавшими влиянием на человека, то становились провидцами, то участвовали в тайном шаманском обряде и напитывались неземными силами под светящимся столбом северного сияния...

По молодости Корелянин испытал все это на себе, проникся светом открытых ему ведических знаний, постиг приёмы саамской магии и после завершения обучения шаманизму был послан его наставниками искать на земле другие места притяжения высших сил. Такую точку он почувствовал в районе Ангиловой горы, возле которой поселился доживать свой век как караульный, которому поручено дожидаться здесь возможного нового послания с небес, чтобы тут же передать его куда велено.

Жил он бобылём в затворничестве, по своему почину с соседями общался только при крайней необходимости, но на их просьбы о помощи всегда откликался. Разве что завёл для всех незыблемое правило: нужно даром своим подсобить — подсобит непременно, а вредить никому не станет. Похоже, таков был духовный наказ приславших его воттоваарских учителей. Мирнолюбивых водлозёров это условие как раз порадовало. Местная крестьянская община стоворилась взять мудрого старика под опеку. Поскольку он не претендовал на собственный земельный надел, не занимался торговлей, охотой или рыбным промыслом, необходимыми для пропитания продуктами его решили снабжать всем миром. В благодарность за то, что он для людей уже сделал или мог сделать в будущем, всякий хозяин оставлял ведуну в подношение толику от доставшегося ему урожая или промысловой добычи. Потому дед Пеша вовсе не бедствовал и мог себе позволить спокойно предаваться совершенствованию дара. Он собирал лекарственные травы и коренья, изготавливал из них лечебные снадобья, изучал приёмы врачевания...

Впрочем, для поддержания сил старику требовалось совсем немного мирской пищи.

Часть получаемых продуктов он сам относил гостинцами для Анфиски и Алёшки — детишек жившей в соседнем Кургилове вдовицы Варвары Журавлихи. А та при случае его обстирывала и пекла деду хлебные караваи или особо любимые им овсяные кюрзи. Но в канун Христова Рождества ни у Корелянина, ни у тётки Варвары запасов муки почти не осталось. Чтобы непременно устроить своим подопечным добрый христианский праздник, старик решил — таки сам сходить в Коскосалму к большаку общины Егору Дмитрову — испросить хоть малость зерна, излишек которого, по его вешему прозрению, у того вот-вот уж должен был появиться.

Это твёрдое намерение вышло у него в то время, пока он колот дрова. Решимость его крепла с каждым следующим ударом колуна по берёзовым чуркам. Длинные волосы и всклокоченная борода старика развевались на ветру, сверкали под скупым светом полуденного зимнего солнышка бусинками пота, застывшими от мороза в сивой седине. Ну и что, если прежде он никогда не ходил на поклон к мирянам. Не ради себя же он и нынче удумал обратиться за поддержкой. Ему самому доволь чёрствой корочки пожевать хватит. Но за малых детушек вдовицы душа ноет. Кто о них ещё подумает, позаботится, поможет? Неужто сердобольные соседи перед святым праздником вдруг забыли о нужде ближних? Дедовы глаза наливались волей к действию, словно зывая ко всем силам мира немедленно изменить сложившийся порядок вещей, образумить беспамятных, умилоустивить сильных, облагодетельствовать сирых...

Ан нет, на сей раз ошибся дед Пеша в своих подозрениях, сгоряча подумав о соседской чёрствости. Оглянувшись на послышавшийся ему шум, увидел, как в скрипучую калитку его двора входят жившие рядом Демид Иванов с сыном Фёдором, вроде не по случаю улыбочивые, чем-то явно довольные. Прибывшийся к дедовскому дому лохматый пёс Гугай, прозванный так за простуженный совиный лай, лениво вылез из дощатой будки, хрипло гавкнул для порядка и посеменял навстречу гостям, ожидающе кланяясь и дружелюбно виляя завившимся в колечко хвостом.

— Бог в помощь, уважаемый хозяин! — привет-

ствовал старика кряжистый Демид, протягивая ему мозолистую крестьянскую руку.

— Благодарствую, соседи! И вас пусть силы небесные не оставят своею благодатью, — воткнув топор в колоду, ответил Корелянин крепким рукопожатием.

— Мы к тебе, дед Пеша, с доброй весточкой пожаловали. Прибегал тут к нам Артёмка из Коскосалмы, внучок большака Дмитрова. Сказывал, что Егор Фомич получил давеча зерно для округи из Даниловской пустыни, звал забрать выделенный хлеб до Рождества. Я бы сразу санки наладил, но ты же знаешь о нашей беде — кобылка моя Зоречка с осени обезножила. Ехать за желанным грузом не на чем, а на горбу мне его вряд ли унести. Как сам-то — соберёшься за своей долей? Ежели пойдёшь, передай вслед за Артёмом, чтобы Фомич по дороге на Рождественскую службу завёз нам зерно на своих санях. Ему это не в тягость, — прямолинейный Демид не умел ловчить, имеющийся у него интерес всегда выкладывал сразу, в глаза, без лишних экивоков.

— Да вот как раз перед вашим приходом подумывал взять кережки и на лыжах отправиться к Егору Фомичу, — улыбнулся в ответ Пеша. — Предвидел, что дойдёт-таки до него обещанная хлебная посылочка из Данилова. А мой-то куш, пожалуй, не столь велик. И его прихвачу, и детишкам Варвары Журавлихи зерна на пироги принесу. Без промедления и тронусь. Артёмка-то, небось, дальше к Варваре в Кургилово помчался. Ты бы, Феодор, сгонял туда следом да успокоил Журавлиху, чтоб сама она никуда не дёргалась. Доставлю ей муку впрок на праздничный пирог. И твою просьбу, Демид Дмитриевич, уважу. До того, как большак хлеб привезёт, сможете из моего запаса чуток занять, чтобы с выпечкой вовремя поспеть. Благо будет теперь из чего тесто творить!

— Спаси тя Господь, мудрый наш соседушка! Иного от тебя и не ждал, — благодарно поклонился ведуну задёрганный заботами крестьянин и тут же зыкнул на сына: — Федька, слышал, что тебе дед Пеша сказал. Догоняй Тёмку, обрадуй тётку Журавлиху.

— Успею я, тятя. Никуда Журавлиха не денется. А у меня тоже до деда Пеша поручение есть, — парень отскочил от отца чуть в сторону, спрятавшись за обрадованного вниманием Гугая, и, не теряя времени, тут же обратился к старику: —

Примешь ли, уважаемый хозяин, как бывало, нашу молодёжную ватагу у себя в доме на святочные беседы? Прошу о том от всей честной компании.

— Без той доброй вести, которую вы принесли, я бы ещё крепко подумал, стоит ли устраивать досужие празднества и забавы в нищенской скудости. Но теперь не вижу повода для отказа. Конечно, дом мой открыт для вас, пострелы. С вами мне тоже живётся гораздо веселее и светлее. Добро пожаловать в гости! Так и передай своим: сам здесь не сижу, из дома не хожу, отнесите ж меня к нам, — отечески усмехнулся Корелянин, в глазах которого не в пример бывшему угрюмому состоянию лучились искорки удовольствия.

Проводив Ивановых, дед встал на широкие лыжи, по местному обычаю обтянутые для лучшего скольжения уже изрядно пообтёртой от времени меховой шкурой, накиннул на плечи прочные можжевельные постромки от ручных санок и, привычно отталкиваясь от земли стругаными сосновыми вершинками, вышел на зимник к Коскосалме. Путь был недалёкий, потому он успел засветло. Навстречу ему от двора большака отъезжали сани с мешками зерна для жителей Ангиловой Горы. Другой возок уже спускался вниз к заливу в сторону Рахойлы и Варишпельды. Заметные дымки, пробивавшиеся из курных соседских изб, тоже свидетельствовали о том, что их насельники раньше прочих отоварились долгожданным хлебушком и занялись подготовкой рождественских трапез.

Север общностью крепок

Жилистый Корелянин даже опередил возвращение из Кургилово быстрого Артёмки, посемену, тепло поздоровавшись с большаком и приезжими из Данилова, ожидавшими деревенских посланцев у дверей хозяйского амбара, первым передал им просьбу Демида Иванова завезти причитающееся тому зерно по дороге на праздничную церковную службу. Слово за слово, о ней и зашла речь, пока Егор Фомич отмерял хлеб в запрошенные мешки — на полпуда самому ведуну и пудовый для семейства Журавлихи.

— Прослышал я, Егор Фомич, что поп Василий дозволил тебе в Ильинской церкви ночную службу на Рождество править. Виданное ли дело,

чтоб еретику-староверу от новообрядного священника этакая доверенность вышла? — начал беседу на заинтересовавшую его тему старый карел, сам церковные порядки вообще-то не жаловавший. — Мне, конечно, ваши распри разбирать невдомёк. Но всё-таки любопытство разбирает, ибо на моём веку ничего подобного не бывало. Всё больше гнобили да гнали раньше вашего брата... То в колодки и цепи ковали, то в тюрьмы и ямы бросали, то в огне нещадно жгли... Нешто теперь поблажка какая обозначилась?

Дмитров помолчал чуток и неторопливо отвечал:

— Ты же знаешь, мудрый старик, что и мы верность дедовской вере нарочито не выказываем, и многие другие насельники лишь признаются новообращёнными... Но на деле церковные новины они ничуть не малтают, а чаще привычно веруют по старинке... Разве сам батюшка Ильинского храма Василий Лукин в новообрядовой разности поднаторкался, хотя, бывало, тоже ненароком сбивался на старый лад. Даже когда здоров был. Но после прошлой Пасхи ён шибко захворал, а с Успенья совсем одряхлел в немощи и уж не встаёт с одра... Взамен нового попа так и не прислали. Да, ёлочки-сосёночки, кому же ён ещё довериться мог, дабы святой праздник для людей не скомкать? Обо мне-то всем ведомо, что я пусть и по старым книгам учён в богословии, но пуще дьякона Харитона и глухого пономаря Ивашки любую церковную службу справить могу. Мы с Василием о том немало беседовали да и спорили жарко, чего греха таить. Но, слава богу, попик ён безвредный, незлобивый, благочестивый, поклёп на меня не попустил. А уж как прознал осенью, что даже царь Пётр, будучи на Выгозере, послабления в вере обещал, так и решился на меня опереться. Авось разок никто не уразумеет инакослужения — так и проскочит всё тихо. Понятно, при условии общего о том безмолвия, — в подробностях, с которыми Дмитров объяснял ситуацию, сквозила тайная тревога.

— Чую с немалой опаской, но ты, Егорий, всё же берёшься за сие дело, кое считаешь святым... — уважительно заметил Корелянин.

— А ты, Пеша, разве без опаски привык жить? — с хитрой искоркой в глазу спросил Егор Фомич. — Известно, что вас, ведунов да колдунов, церковники пуще ревнителёв древлего благо-

честия кострами страшуют. Но пока ничего с вами не сделалось. И тебя за двадцать годков обитания на берегах Водлозера никто властям с головой не выдал.

— Так я ж ведун. И о подобном намерении всяко бы прознал да уберётся в дебрях.

— Не о том сказ, но о наших давних местных обычаях и правилах добрососедского проживания, — уточнил большак. — Вот скажи, почему причт того же Ильинского погоста никогда не возражал против жертвоприношения лося в Ильин день возле самой церкви? Этта ж как ни посмотри, а с любого бока чисто языческий обряд... Но у нас и поп трапезу благословляет, и вместе с ним дьякон с пономарём принимают щедрые подношения от общинной жертвы... Между тем, узнай о том Московский патриарх али Новгородский митрополит, нас бы всех вместе с нашими церковниками калёным железом пожгли...

— Посему они лишнего верхам и не доносят, — согласился ведун. — Знают, что наложение запрета на столь древний народный обычай вызовет всеобщее недовольство их паствы, от которой они кормятся... В том числе мяском той жертвенной лосятины...

— А что это за обычай у вас невиданный, в чём его назначение? — встрял в беседу стариков заинтригованный Илья.

— Этак ещё с лопских времён повелось, — взялся пояснять старинную традицию Егор Фомич. — Лопари допрежь всё больше охотой и рыбалкой кормились. По их поверьям считалось, что принесение лося в священную жертву сулит умножение промысловой добычи. Правда, с условием выполнения строгих правил. Одним из них остаётся уважительное отношение к туше убитого животного. Её аккуратно разрезают ножом, дабы не повредить ни одной косточки. Тогда, дескать, лось непременно возродится в новом теле и приведёт за собой других зверей. Для ускорения этакого воскресения копыта вместе с голенью передних ног в пищу не употребляют, но закапывают в тайном месте с приговором: «Как быстро кончилось, так быстро и возродишься». Кроме того, лосиное мясо не бросают в котёл навалом, а нанизывают кусками на прутики и укладывают их так, чтоб плоть зверя не касалась металлических стенок. Сие делается, дабы не отпугнуть от убийственного железа будущую охот-

ничью удачу. Наконец, в обрядовой трапезе участвуют токмо мужчины. Одни прячут доставшиеся им косточки в заветные холщовые мешочки, с которыми ходят на промысел, другие зарывают их в могилы предков, прося тех о содействии с того света. Словом, обычай схож с крестным ходом али молебном на испрошение дождя с небес в период затянувшейся засухи.

Подивился Илюха:

— Почему же женщин не допускают к жертвенному мясу?

— Да потому, что ёни мужскими делами не занимаются! — рубанул Егор, но спохватился и добавил уже спокойнее: — значица, могут нарушить тайное священство обряда, спугнуть удачу, накликасть беду в промысле зверя али рыбы, а для земледельцев — неурожаи, зеленыя, градобитие и засухи...

— Фу-ты ну-ты, колья гнуты, видать, в прошлом годе кто-то из ваших общинников всё-таки отнёс кусочек мяса с жертвенной трапезы жёнке или дочке, раз так вышло, что жито на водлозерских пашнях в зеленях сгибло, — усмехнувшись местному суеверию, высказал предположение Тверяннин.

— Может быть, ёно и так, Тимофей Иванович, — охотно согласился большак. — О том скорее нашему ведуну ведомо.

— По моему разумению, неурожаи случились исключительно от гнилой погоды, посланной вам небесами во испытание общинной крепости, — откликнулся на вопросительные взгляды многоопытный дед Пеша. Почитал и он старинные обряды, но не всегда разделял верование о непреложной зависимости природных явлений от исполнения всяких суеверных мелочей. — Ты ещё, Егорий, порасскажи людям, что теперь заветный лось перестал к Ильинскому погосту сам приплывать на закляние с Гольяниц, как гласит то лопское предание. Но вы его для сего обряда загодя ловите али же заменяете подходящим жертвенным быком. Во всех ваших нынешних церемониях много несуразностей сказывается, во избежание коих достаточно лишь жить в согласованности с духами природы и правилами мироустройства...

— В полной мере достичь этакого согласия токмо тебе под силу, однако же и с людскими обычаями ты, Пеша, сам давно свыкся, а тут вдруг сказанул о ниспослании каких-то испыта-

ний на крепость нашего сообщества. С чего так? Случайно оговорился али проведал что-то, не открытое человекам? — Дмитров насторожился и пытливо уставился на Корелянина.

— Да тут особо проведывать ничего не требуется. Вспомни, какие тяжкие напасти донимали ту же Данилову пустынь в недавние зяблые годы, — ведун попытался объяснить ситуацию по-житейски просто. — Слабые людишки от них поодиночке могли сломаться, но общинная крепость и мудрость превозмогли ниспосланные испытания.

— значица, теперь всего лишь наш черёд настал с бедой сдюжить? — дотумкал Дмитров и сам тут же сообразил, что угадал.

— По всему видно, что вы с ней уже сдюжили, когда, не утратив веру в небесное заступничество, вовремя обратились за помощью к земным соседям-единоверцам, — уверенно ответил Корелянин. — А о том, сам ли ты до того дотумкал али кто свыше выход подсказал, тебе, Егорий, лучше прочих судить...

Слова ведуна занозой засели в голове Дмитрова. Разбуженные ими мысли долго копошились в мозгу, а уж когда вечером вереница саней отправилась на Рождественскую службу в Ильинскую церковь, разрозненные думы большака выстроились в цепочку.

Ай, в самом деле, разве могут выжить на суровой северной земле безвольные слабые люди? Да и не всякому силачу в одиночку по плечу одолеть передраги непредсказуемого здешнего жития. Вечно донимают северян то лютые зимние морозы, то весенние грозы с разливными половодьями, то бескормица от зяблого лета или наскоки могучего ветродуя ураганной осенью... С природными особенностями тут надобно свыкнуться-обвыкнуться, всегда помнить об опасностях, предугадывать их и перегадывать, предуматривать и пересиливать, загодя предвидеть и вовремя перемогать. А мало ли в глухом таёжном сузёмке иных напастей? И всяка нечисть по округе тучей бродит, в корбы да омуты неразумных людишек уводит, и зверь лесной, быкает, человеку вредит, и враг лихой порою смерчем налететь норовит. Конечно, в любых обстоятельствах противостоять натиску стихий или нападению ворогов сподручнее сообща. На государеву защиту надёжа невелика. Потому

исстари окрепло у водлозерских насельников общинное начало. Ещё в стародавние времена первопоселенцы-русичи дружинным скопом одолели здесь сопротивление враждебной чуди, но с оставшимися старожилками замирились накрепко, породнились накровно, переняли от них тайный смысл обычаев людских и обрядов ведовских, а в обмен на чародейную магию укрепили их истинной Христовой веры. Когда уж Смута нагрянула в Водлозерье с алчными панами-разбойниками, снова дружно встали водлозеры на отпор лихоимцам и дали им бой беспощадный на Бувом поле близ Канзанаволока. Большинство их там навечно положили, но иных полонили и жизнь им удружили. Ибо вовсе не в уничтожении супротивников и даже не столько в преодолении тяжких испытаний состоит путь к достижению малого человеческого счастья, а в утверждении общинного согласия между добрыми соседями, во имя ближнего всегда готовыми выручить в трудную минуту, оказать посильную помощь и делом, и советом. Совсем по слову преподобного Сергия Радонежского, сказанному о существе Святой Троицы: в сих просторах беспредельных, горним светом осиянных, жили люди нераздельно, хоть нисколько неслиянно... Ис матушкой-природой какой им был резон спорить? Всё одно что пытаться с Самим Творцом Небесным таяться! Только безумец и гордец сподобится уверить себя, что сможет запросто схватить Бога за бороду и будто бы вытребовать себе удачу без наказания в придачу. Нет, таким богоборчеством скорее накликаешь проклятье. Вернее всегда по совести жить, с разумением той границы, до которой ещё распространяется человеческая воля, но за которой сам человек сделать что-то уже бессилён. Так земледелец способен посеять деревья и выкорчевать корни, спалить их огнём, дабы удобрить землю, вспахать копорюгой скупую пашню и засеять её имеющейся мерой жита, но больше от него ничего не зависит. Урожай получится таким, как Бог даст — какую погодой одарит природа, какой стороной повернутся невзгоды, какими обильными вырастут всходы, какая судьба предначертана роду... В том состоит и великий урок, который однажды Всевышний прорек: для слабых суровым покажется рок, но верой порушит его Человек.

В гостях на Колгострове

Сразу после Рождества, погрузив в сани пару двухпудовых мешков зерна из оставшегося запаса, даниловцы с Егором Фомичом отправились на Колгостров. Путь их лежал в одноимённую деревеньку. Большак напомнил, что к обеспеченным монастырским скотникам в Вачилово и в благополучный Костин двор им причины ехать нету. А вот в нижнем конце третьей деревни, именуемой Александровкой, и чуть повыше на Горе, рядом с потомством махлаков Лагиревых, проживают два бедных семейства Сидоровых и Марковых, которые просили Дмитрова о выделении им хлебной помощи.

У душевно обрадовавшегося гостям дмитровского свояка Ефима Сидорова, женатого на младшей сестре Егора Фомича Ефросинье, под праздничный обед да досужие разговоры загостились до ранних сумерек. А о чём обычно в святки разговоры ведут? Понятно, о проделках всяческой нечисти. И повод к тому нашёлся нечаянный. Тимофей Тверянин углядел особинку в наряде хозяйской снохи Татьяны да спросил напрямки:

— Фу-ты ну-ты, откуда ж вы столь славный розовый ситчик в вашей глухомани достали? Неужто на ярмарку в Шуныгу за ним ездили? Небось, недёшево обошёлся...

— Куда уж нам с нашим коньдородным прибитком по дальним ярманкам развезжать. Туточки ён сам обнаружился, без участия коробейников Танюшке в подарок достался. Благо не пропал, коли в руки попал. Угадайте-ка, от кого сие даренье, — лукаво прищурился разговорчивый Ефим Акимович.

— Никак обеспеченные родичи одарили? — попытался догадаться Тимоха.

— Говорю ж вам, не людьми сия диковинка дадена... Хотите верьте, хотите нет, а принесла его в дар моей сношеньке сама наша домовая хозяйка.

— Как так? Когда? Неужели? — посыпались удивлённые вопросы приезжих. Вот и пришлось Ефиму не без видимого удовлетворения чудным происшествием вспоминать любопытную историю, за которой, как телеги в обозе, последовали остальные.

— Случилось сие прошлой весной в Христочку ночьку. Танюшка как раз из хлева возвращалась и стренула возле крыльца странную смуг-

люю женщину. Та её по имени величает и просит: «Дай-ка мне решета муку посеять, чтоб кукой испечь. Ежли угодно, у нас свадьба заводится, а решета нету. А вдруг свадьбу нашу пожелаешь поглядеть, дак вот приди на сарай, стань на третью сланину и вот этак вниз наклонись. Токмо задню тресту клади в зубы. Там сорочку али сарафан, юбку ли, чего-нибудь. И промеж ноги смотри». Так ли сказываю, Татьяна? Чего уж ты там дивного углядела, сама поведай...

— Так всё и было, батюшка, — зардевшись от внимания посторонних и потупив глаза, откликнулась Таня, но быстро собралась с духом, когда почуяла поддержку мужа Игната, положившего ей руку на передник. — Спугалась я, конечно, но дала-таки тётке решето. И сошла к сараю. Вдруг слышу песни, колокольчики... Ворота во двор отворились — свадьба приехала. Вижу, молодые идут. Все во хлев направились. Но всё минуло быстро, будто не бывало. Ну, я выстала, в избу пошла. Больше ницего не углядела...

— Однако через три дня на той же лестничной ступеньке решето обратно появилось... А с ним и энтог диковинный ситец на рукава к сорочке лежал, вроде как в благодарность от домовоу хозяйки за участие к еённым хлопотам. А мы и рады за награду, ведь не зря же говорят: чем дарят, тем не корят, — дополнил супругу Игнат куда более убедительным доводом, чем получился её скомканный рассказ.

— Любопытно, на кого всё ж те домовые похожи? — спросил Илья.

— Да на людей, — ответила Таня. — Старые, скорее, на батюшку с матушкой, а молодые — на нас с Игнатом. Токмо ёни почерневшие какие-то, словно сажей вымазаны.

— О том можно и нашу мамушку Фросю спросить, — ткнул в бок жену Ефим. — Ить когда ты, горлица моя, моложе была, небось, та же домовиха у тебя квашню спрашивала.

— Точно на меня тогдашнюю ёна похужей сподобилась, — стала припоминать подробности забываемой встречи Ефросинья Фоминична. — Этак и сказала: «Дай ты мне, хозяйюшка, квашоночку робятам хлеба спекчи». У меня аж волосы дыбом выстали. Я к свекровушке побежала за советом — тогда жива была ещё Серафима Петровна — Царствие ей Небесное! А матушка успокоила: «Поди, квашню клади на крыльцо и ничего не говори». Я так и сделала да в хлев пош-

ла. Возвращаюсь — нету квашонки. Домова-то её унесла и робятам своим хлеба напекла ночью. Но поутру посуду чистую возвернула, опять на то же место и клала. Впрямь ёна тёмно выглядела и одета была во всё чёрное.

— Не зря в народе присловье верное живо: «Мир этому дому!» Ежели люди в ладу с домовыми хозяевами живут, так ёно и получается, — задумчиво покачал головой Фомич.

— Сущую правду баешь, Егорушка, а скоко случаев, когда нечистые жильцов своих донимают то неожиданным появлением к какой-нибудь неприятной вести, то безудержными ночными беспорядками али иным нарушением уклада, — согласился со свояком хозяин.

— Слава богу, у нас дед Пеша есть, дабы их охолонуть да образумить, — напомнил Дмитров. — Ён как-то баял, что позвали его по этакому поводу в дом перебравшихся к нам новосёлов, где нечисть расшалилась. И сразу понял допущенную ими промашку...

— Никак те случайно дверцу в каржину обратной стороной перевернули?

— Точно так, — кивнул большак. — Оттого домовые в своё подпольное жилище вертаться не могли, а утратив привычную фатерку, принялись в людской горнице колобродить, добиваясь, чтоб им обратно дорогу открыли.

— Нашим-то хозяевам сие сызмальства ведомо, — ухватился Ефим за науку общения с нечистой силой. — Иные намеренно энту каверзу проделывают, дабы дворовую нечисть от своевольства отвадить.

— Научи, батюшка, вдруг в жизни пригодится, — попросил отца Игнат.

— И то правда: любое знание лишним не бывает, а в добрую голову — сто рук, — Ефим взялся обстоятельно поучать. — Ты, Игнашка, тогда малой был, оттого и не помнишь, как у соседа Лагирева в конюшне дворовой стал выёживаться. Сами ведаете, их семейство побогаче нашего. Ёни от свово достатка роспыхкались и завсегда не одну-двух, но трёх-четырёх лошадок имеют. Так вот, одного из ихних коников нечистый отчего-то невзлюбил. За другими ухаживал рьяно, а энтого в чёрном теле держал. Тем добавлял корму, а у энтого бедолаги его отбирал. Сам и воду с пролубы тайком в вёдрах таскал, но нелюбого жеребчика вовсе не поил... Лагирь не дурак, скоро приметил, что конь чахнет. Решил прове-

рить отчего. Незаметно продырявил кадушки — пождёт, что будет. Дворовой раз ночью до пролубы сходил — ничего не принёс, понеже вода вся вытекла, второй раз отправился — опять пусто... Тады уж ён терпение потерял, дак даже своих любимых лошадок до пены мыльной во гневе исхлестал. Хозяин всё понял, не на шутку осерчал да утром и перевернул ворота во двор другой стороной, чтоб проучить дворового, изгнать его с насиженного места. Тот на улице оказался — и ходу ему назад не осталось. Вот уж вой вокруг избы поднялся. Нечистый слёзно обратно просился, обещался больше пакостей не делать. Немного погодя сосед его всё-таки уважил, снова ворота перевесил, впустил негодника, но строгонастрою ему наказал: «Чтобы весь скот отныне был налажен. Не то, что ты одних лошадей любишь, а другую не любишь, чтоб весь скот!» После того похожее не случалось — энтот строптивый дворовой стал незаметным да послушным...

— Добро, ежели с кознями нечистых способно своими силами управиться, а бывает же, без верного ведовского обряда али колдовского заговора никак не обойтись. Особливо в тех случаях, когда лешак скотинку закроет. Навроде где-то рядом ёна, но человеку увидеть её немочно, — перешла на более знакомую ей тему Ефросинья.

— Так то ж иной раз вы, бабы, сами в сердцах коровушек своих непослушных коньдобрым словом куда подальше отсылаете, нечаянно приговаривая: «Да чтоб ты пропала, чтоб тебя лешак забрал». А ён, лукавый, тут как тут, рядышком отирается, всё слышит и по сказанному сполняет, — шутиливо подначил жену Ефим.

— Этак о бурёнках токмо молодухи неразумные отзываются да несмышлёныши-пайгажи, а мы, большухи, жизнью обтёсаны, посему своих кормилиц бережём и от слова вредного, и от сглаза, — возразила хозяйка. — Но всё ж, бывало, ежели коров летом без отпуска деда Пеша на пастьбу отправляли, то терялись ёни. И порой безвозвратно.

— Тут не поспоришь, наш старик Корелянин — известный мастак на крепкие отпуска и верные заговоры. По его ведовскому слову будто бы сами зайцы скотину в лесу стерегут лучше иного пастуха, а медведи да волки стороной стада обходят, — снова с довольством отозвался о подгорском знакомце большак Дмитров.

— И о том, как ён не однажды открывал сосе-

душкам пропавших коров живыми, мы тоже немало наслышаны, братец, — с многозначительной улыбкой добавила Ефросинья.

Но Ефим живо поддел:

— Чуешь, свояк, наша Фрося оседлала любимого конька?

— Не очень понимаю, чем же коровы бывают закрыты — пеленой какой невидимой или иным наваждением? — чтобы не упустить из-за пересмешек свояков нить разговора, Илья поддержал обозначившийся запал хозяйки.

— Да поди ж энтих леших разбери, как ёни этакое проделывают! — почуяв интерес, Ефросинья тут же развернулась к собеседнику. — Но их самих ить тоже человеку не кажный раз углядеть дадено. А уж насрать чи марево, чи мороку каку ёни вельми горазды. Этак спрячут под мороком коровку али лошадку, рядом будешь — не увидишь. А дед Пеша уговаривает лесного хозяина открыть их в яви.

— Ёлочки-сосёночки, я сам с Пешей ходил в сторону Канзанаволока к Половинному кресту, где коровёнка из Коскосалмы была этак закрыта, — к месту припомнил Егор Фомич. — Неделю её соседи искали, всю округу исходили. И те места тоже не раз проверяли. Но ничего не нашли. А когда к Корелянину обратились, ён привёл нас почти к самому кресту. Картинка нам открылась небывалая. Стоит там вконец исхудавшая коровка посреди большого чёрного круга. Этта ёна траву до самой землицы изъела, а за установленную границу выйти никак не могла. И люди её не углядели, пока сам лешак Пеше тот круг не открыл. Подобных случаев с участием нашего славного ведуна и впрямь не перечеть.

— С им нонеча как-то спокойнее живётся на островах, не столь сараско, чем прежде. А то ить иные злые колдуны похуже всякой нечисти способны людям навредить. Вон, бают, в Пёлгострове с год как объявился этакый лиходей Бориска из Кенозерья. Будто ён потому всё время поддерживает огонёк в лампадке с льняным маслом перед иконой Спасителя, дабы бесы его беспрестанно не терзали, заставляя вредничать православным христианам. Прозвание ему люди дали говорящее — Лешко, ибо ён способен своим чародейством и благо сотворить, и что-нибудь коньдоброе содеять. Не чета нашему милосердному миротворцу Пеше, — Ефим тоже утратил былую шутиливость — голос посерьёзшел.

— Не бойсь, свояк, с Пешей никакие козни чужаков нам не опасны. Ён их загодя проведает и переможет... Но, чур меня, гляжу, за окошком уж смеркается. Спаси, Господи, хозяев за хлеб да соль, а нам в дорогу пора. Надобно ещё к Марковым заскочить да вертаться домой, пока совсем не стемнело, — спохватился коскосалминский большак.

— Ежли от Марковых мимо Буксы поедете, — Ефим доверительно понизил тон, — то поостерегитесь молодых шалопутов. Наша местная молодёжная ватага уже куролесит по деревням ряжеными, пугат всех прохожих и проезжих. Дочка Галинка, гляжу, к ним убежала, наверняка порасскажет про вас, так ёни горазды у самого кладбища засаду устроить, чтоб пушего страху нагнать.

— Благодарствуем, Ефим, за острастку. Не то бы мы кого из хуляков от нежданки ненароком стрелили. Слышь, Илья Павлович, разряди ты свои грозные пистолы... Внутри островов опасаться нечего, а шуткарей неразумных свинцовым горохом угощать грешно, — высказав Илюхе свою просьбу, Егор Фомич первым стал прощаться с родичами...

Подъезжая к марковскому двору, Дмитров, как ему показалось, издали заприметил у крыльца фигуру хозяина Пантелея Васильевича и громко окликнул его, подзывая к воротам, чтобы уж не задерживаться лишнего. Но тот, глянув на катящиеся мимо сани, почему-то испуганно ссутулился, пошёл прочь — к открытому настежь сараю да исчез там в потёмках. Тут отворилась дверь избы, откуда вышел к гостям настоящий Пантелей Марков, слышавший окрик на улице.

— Ну ты, Пантюха, даёшь! Когда ты вышел на крылечко, мне подумалось, будто у меня в глазах двоится, — взваливая на плечи Маркова доставленный для него груз, рассказал ему об увиденном Егор Фомич. — А этта, видать, твой дворовой от нас поспешно ноги сделал.

— В Рождественские деньки чего токмо не померещится, Фомич. Мне вот своо дворового до сей поры стренуть ни разу не доводилось. Ён у меня неприметный. Разве что в святки удумал на улочке свежим воздухом подышать. Никак не ждал вас к сумеркам. Да и я уж хлебушка заждался. Спаси тя Бог, что сполнил обещанное. Поверь на слово, мы с моим дворовым хозяином

вернём долг сторицей, — усмехаясь в смолистую бороду, без удивления поддержал Пантелей услышанную байку, наверное, показавшуюся ему обычной святочной шуткой.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Нешто мне одному нечистый причудился? Но вы ведь, братцы, тоже видели ушедшего в сарай похожего на Пантелея тёмного мужичка. Вместе со мной дивились хозяйскому невниманию к нам. По всему выходит, этта ён и был — неприметный марковский дворовой... Не приведи Господь, чтоб ещё возле Буксы нам ожившие покойнички стренулись, — нарочито встревоженно понукая лошадей, но затаив в глазах искорки смешинок, Егор Фомич взялся объяснять спутникам, что Буксой прозывается старое местное кладбище, с которым тоже связана масса страшных быличек.

— Вон видите, какие на кладбище ворота крепкие слажены, — махнул Дмитров рукой в сторону появившейся тёмной стенкой на фоне сугробов ограды с наглухо закрытыми воротными створками. — Для того ёни с особым тщанием поставлены, дабы мертвяки в гости к живым не пожаловали. А то был случай, когда одному дурню с Костина двора, который отважился ночью могилы потревожить, покойничек прямо на плечи вскочил да и погнал с посвистом до самого дома... Там токмо отстал, ударившись гольным черепом о дверную притолоку. Парнишка чуть жив остался, но с тех пор зайкой сделался...

Едва успел большак поведать очередную страшилку, как впереди послышались разбойный свист, вой, улюлюканье, звон ударяемых друг о друга металлических предметов... Кони испуганно заржали, дёрнулись в сторону, увязли по брюхо в глубоком снегу, чуть не опрокинув сани. Илья было схватился за пистолы, на миг забыв, что по просьбе Фомича сам их разрядил. В руках у Тимохи мелькнула припасённая им дубинка. Но загодя готовый к сюрпризу матёрый охотник, издали заприметивший шевеление притаившихся в кустах незнакомцев, живо соскочил с облучка, удерживая лошадей под уздцы, и уже всю хохотал устроенному колгостровскими хуляками розыгрышу.

— Эй, снарядиhi, пляшите, да не заплясывайте! Довольно воздух ором сотрясать, выходите на дорогу... Да ближе подходите, берите

откуп за проезд и прекращайте до полусмерти пужать проезжих! — чуть уняв разбиравший его смех, Дмитров выгасил из саней отложенный на случай завернутый в рогожу куль со святочными угощениями.

Из тёмного кустарника высыпали шестеро ряженных, двое из которых по сложению явно были девицами, но, похоже, играли «цыган», водивших за собой «медведя», каким представлялся напавший на себя медвежьей шкуру самый высокий парень. Ещё один кухмень изображал беременную цыганку с набитым подушкой пузом, а двое других, наверное, выдавали себя за отлучившихся с соседнего кладбища мертвяков. Впрочем, вымазанные сажей лица не имелись возможности рассмотреть под завесившими их липачами из мешковины с прорезанными в ней дырами для глаз. А обычную одежду прикрывали соответствовавшие ролям небрежно пошитые из тряпок ряпши, под которыми при ходьбе побрякивали деревянные и металлические ложки, поварёшки, мутовки... «Покойники» держали в руках сковородники и печные заслонки, которыми понаделали особенно много шума.

Завершив обрядовое действие, хухляки больше не издавали никаких звуков. Молчком приблизившись к саням, они помогли вывести на твёрдую дорогу лошадей, приняли подношение, а напоследок поклонились путникам в пояс и так же безмолвно пошли в сторону Колгострова. Расхохотались и затараторили ребята меж собой лишь после того, как старик Дмитров крикнул им вдогонку:

— Эгей, Галинка, впредь шуткуй с дружками осторожнее! Благодарю тятюку свою за удачу, кабы ён не предупредил нас о вашей затее, мои суровые спутники вас прибить могли случайно... На большой дороге не всякий ваше баловство сразу уразумет. Счастливо оставаться, племяшка!

На обратной дороге путники дружно смеялись, вспоминая подробности происшествия, нескладные наряды встретившихся им хухляков и похожие эпизоды из прошлого. А потом Дмитров завёз даниловцев к Варваре Журавлихе, сам сговорился о постое гостей в счёт щедрой добавки к хлебному запасу и оставил их в Кургилово.

Как Журавлиха хухляков распознала

Когда тётка Варвара принесла утром воду с проруби, постояльцы уже встали, помолились и намечали дела, какими ещё могут поспособствовать одинокой хозяйке. Дров они успели ей наколоть до самого лета, стожки сена перевезли в сарай с дальней пожни, изгородь поправили срубленными в лесу свежими осинками, теперь настал черёд подлатать выпрошенной у большака дранкой прохуdivшуюся крышу в хлеву.

— Доброе утро славным моим помощникам-работничкам, — открыто улыбнулась Журавлиха Илье и Тимофею. — Ох, что бы я без вас делала, горемычная!.. Пождите чуток, я скоренько оладушки спеку да парного молочка и маслица поставлю. Благо, всего теперича у нас вдоволь. С вашим приездом да с Рождеством Христовым словно счастье привалило. Хоть бы подольше не отваливало... А в хлев не спешите, на дворе тёмно ещё...

Румянощёкая Варвара засуетилась возле жаркой печки. Илюха присел на лавку к столу выстрогивать кинжалом незамысловатую детскую игрушку в форме конька для малого Алёшки — панок-оберег, и мимолётом перехватил выразительный взгляд на хозяйку Тимохи, который пристроился вприсядку возле печной стенки вытёсывать топориком лучины из берёзовой чурки. Чем же тот взгляд был наполнен — тоской, надеждой, ожиданием? А может, это нечаянная любовь занозила сердце сурового пустынножителя, не знавшего прежде семейного уюта да, пожалуй, никогда о нём и не мечтавшего?

А Варвара — баба видная, зрелая, не утратившая красоты и прочих женских прелестей. Тёткой её лишь потому прозывают, что раненько она горюшка хлебнула, в самом расцвете став вдовицей. Но на деле-то ей всего чуть больше тридцати годков сполнилось. Говорят, её муж Мишка Журавель был лет на десять старше супруги. Ну а Тимоха старше на двадцать. И что с того? Столь ли велика разница в возрасте? Будто бы он, умелый да хозяйственный мужик, вовсе не может рассчитывать на взаимность оставшейся в одиночестве молодки? Пусть левая рука у него не очень работоспособна, зато правой он наловчился орудовать, как двумя. Илья уж забыл замечать малую телесную ущербность приятеля, справно управлявшегося с любыми делами.

Тут и догадался Илюха, почему Тимоха упрямо отговаривается от участия в предстоящей охоте... Видать, надумал остаться с Варварой наедине, по душам побеседовать — глядишь, и сговорятся до чего... Илюха радовался за товарища и решил не мешать тому в случайно угаданных душевных терзаниях, которые способны привести его к нежданно счастливому повороту в судьбе.

Под шкворчание на сковороде духмяных оладушек с припечных полатей живо соскочили солнечноголовые детишки Варвары — восьмилетняя Анфиска и шестилетний Алёшка. К гостям они уже привыкли. Непоседливый Лёшка больше тянулся к Илье, без стеснения залезал к приглянувшемуся парню на колени, подолгу рассматривая богатую рукоять и украшенные тонкой восточной чеканкой ножны висевшего у него на поясе кинжала, с которым тот никогда не расставался. Серьёзная Анфиска, как будущая хозяйка, чаще старательно помогала в домашних хлопотах Тимофею, которого искренне жалела за подвешенную на чёрной перевязи-гайтане высохшую руку.

Снарядихи напросились к Варваре на третью ночь после Рождества. Ввалились впятером, как обычно, обряженные под цыган, медведя, мертвяка и петуха. Среди участников ватаги угадывались три девицы. Самая дородная из них, судя по писклявому рычанию, исполняла роль обиженной на весь мир и, видимо, отошавшей за зиму медведицы. От такого недоразумения она, с изрядным запасом влезшая в старую, облезлую, складками висевшую на ней шкуру, ещё больше испугала журавлиных сироток и, наоборот, рассмешила взрослых. Другая деваха в ладно облежавших её стройную фигурку нелепых ряпшах держала своего страшно смешного зверя на поводу, значит, была его хозяином-цыганом. Третья, с выбеленным до смертельной бледности лицом без липачей и подведенными сажей глазами, устрашающе выглядывавшими из глубины нависавшего над ними балахона, изображала ожившего покойника. Громко ударяя скалкой в сковороду, она задавала ритм ритуальному танцу товарищей, одновременно ухавших под притопывания. Только петух никак не мог двигаться свободно, поскольку был плотно упакован в нарочито узкий, натянутый ему на руки тыльной стороной

полушубок и стреножен по ногам — так, чтобы мог только прыгать. Он периодически пробовал сипло кукарекать сквозь плотно укутавший лицо платок, который удерживался закреплённым верёвкой на голове гребнем из окрашенного киноварью конского волоса, но всякий раз снова принужден был набирать в лёгкие побольше воздуха. Могучая цыганка с выпиравшим из-под неряшливых сарафанов пузом поставила его на крайнюю лавку под защиту вооружённого мертвяка, а сама неистово крутилась по избе, держа в руках дырявую корзину, сквозь редкие лучины которой просыпались на пол зола и крупные уголья...

Хорошо знавшая местные обычаи Варвара заметила, как в чистой до того горнице быстро копится нанесенный кухнями мусор, и не сдержала обиду — улучила момент и резким толчком опрокинула с лавки неповоротливого петуха, удачно упавшего головой на колени к сидевшим рядом постояльцам. Прыснув от смеха вместе с хозяйкой и захлопавшими в ладоши детьми, Илья с Тимохой попытались помочь тому снова встать на ноги и ненароком сдёрнули с его лица липач.

— Ах, вот кто у нас простуженным петухом кукарекает! Этта и есть Петя-петушок, Петруха Михалков с Варишпельды, — обрадовалась Журавлиха узнаванию одного из хухляков, что сулило ей в новом году прибыль в хозяйстве. — Ну-ка, погодьте, я кого ещё угадаю... Особенно вот эту вредную цыганку... Открой личико, закадычный Петенькин дружочек Коленька Онуфриев. И уж раз тут Коля-Николай хороводит, то наш славный да стройненький цыганёнок окажется Дмитровой Дарьей, а страшный покойничек — Колиной сеструхой Анисьей... Лишь бедненькую коньдородную медведицу никак признать не могу. Будем считать, что маху дала. Но всё ж интересно, кто там этак пискляво рыкает?

— Чего теперь прятаться? Почитай, нас всех Журавлиха раскрыла. Скидывай шкуру, Ксюха. Этта дочка Лавровых, тоже из Варишпельды, — ответил Николай Онуфриев, огорчённо стаскивая с себя маску, как обязаны делать все узанные снарядихи.

— Так нечестно! Ежли б с Петьки случайно липач не слетел, ты нас, тётя Варвара, ни за что бы не признала. Как у Петровых давеча, всё бы гладко сладилось, — открывая лицо

вслед за остальными, ещё более расстроено сказала Даша и, уж вовсе чуть не плача, добавила: — Что же получается, по приметам выходит, нам с Колькой снова целый год без толку женихаться, а свадьбу так и не сыграть?

— Да наплюй ты, Дашутка, на пустые приметы. Как говаривал мудрый дед Пеша, не существует правил, в коих не можно допустить исключения... И он нам всяко этакое исключение у судьбы выговорит, коли мы его попросим, — успокоил подругу атаман.

— А я слышал, что любые приметы действуют лишь до конца календарного года, — пришёл на выручку Даше ощутивший шемящее сочувствие её огорчению Илья. — Но разве вы не знаете, что царь Пётр не так давно ввёл в России новое летоисчисление? Теперь годы считаются не от Сотворения мира, а как раз от Рождества Христова, и новолетие наступает не с 1-го марта и не с 1-го сентября, как бывало раньше, но с 1-го января. Выходит, скоро прежние приметы потеряют силу, ибо теперича новый 1703-й год наступит через считанные дни, сразу после Васильевского вечера.

— Неужели правда? — с осушившим слезу удивлением спросила Дарья.

— Об исчислении новолетия всё верно сказано, фу-ты ну-ты. До Даниловской обители тоже дошли такие вести. Наш большак Андрей Дионисевич сказывал, что сам участвовал на Москве посреди святок в торжественной встрече заведенного в европейском порядке Нового года. Да с zelo широким гульбищем, кое теперь устраивает по сему случаю государь Пётр Алексеевич. Дескать, в сию ночь народ всюю веселится, пляшет прямо на улицах, бессовестно пьёт винище... А ещё к новогодним торжествам наказано наряжать всяческими украшениями ёлки. Да в саму праздничную ночь всюду диковинные финевверты с искрами запускают... — поддержал товарища Тверянин.

— Фейерверки — значит, как бы фонтанчики огней, или взлетающие высоко в небо огненные ракеты, или всякие искрящиеся круги, — поправил приятеля Илья, знавший суть незнакомого таёжным жителям иностранного слова.

— Шут с ним! Всё равно той же серой и бевсовщиной сии гульбища пахнут, впрочем, как и ваши языческие игрища ряженных. У нас в Данилове этакое безобразие уж не попускают,

— недовольно махнул рукой Тимоха, а на ухо Илье шепнул: — Однако же по поводу утраты силы судьбоносных примет, признайся, ты сам наскоро придумал, дабы любезную твоему сердцу девицу не огорчать...

— Так и не зря, сам видишь, успокоилась она. Уж не видна печаль в ясных очах, — не стал спорить вологжанин.

Дарья впрямь словно забыла о давешней обиде, разулыбалась и о чём-то тихонько переговаривалась с Николаем. Потом она решительно повернулась к Илье и спросила:

— А вот ты, Илья Павлович, умеешь ли те фейерверки делать? Ежли сможешь устроить нам фонтанчики огней по-московски, приходи на нашу беседу в Васильевский вечер. Пусть чужаков в сей срок на вечерку звать запрещено, но наш атаман готов сделать исключение и тоже согласен тебя пригласить. Скажи, Коля.

— Что ж поделаешь, сам ляпнул, что правил без исключения не бывает... Да и почему бы нам впрямь установленный теперича самим царём Новый год не стренуть по новому обычаю? Будь нашим гостем, Илья Павлович, милости просим! — с тяжёлым сердцем согласился Николай, приглашая чужака на заветную беседу. Хоть и старался не показывать виду, но в душе ревновал он к Дарьюшке этого холёного купчика. Да ничего не попишешь, супротив настойчивых просьб подруги устоять атаман никак не мог.

— Для изготовления фейерверка немало пороху потребуется. Коли уговоришь, Дарья Никитична, деда Егора отсыпать мне несколько фунтов, я могу попробовать, — Илюха сделал вид, что нехотя поддался уговорам, хотя внутренне очень обрадовался.

На том они тогда и порешили. Разоблачённые снарядики, получив положенный святочный откуп, отправились на продолжение своих бесёд к деду Пеше. Варвара, благословив ушедших и перекрестив за ними дверь, словно выпроводив из дома саму нечистую силу, принялась рьяно намывать замусоренные полы. Но просыпанная зола и раздавленный под ногами уголь настолько въелись в половицы, что на следующий день оставшиеся пятна пришлось соскабливать ножом, чем и занялись Тимофей и Анфиса. Так и подружились.

Илья тем временем занялся устройством обещанного фейерверка. Большак Дмитров,

понятно, не смог отказать любимой внучке, щедро выделил из охотничьих запасов пороху, сам его поутру завёз в Кургилово и с любопытством остался подсобить вологжанину в невиданной доселе затее.

Трубки под порох изготовили из подходящих по толщине полых стеблей камыша, тщательно обмазанных снаружи густой глиной. Для прочности, чтобы камышовые стенки всё-таки не прогорели раньше времени, обмотали их плотной рогожей и накрепко повязали её поверху дратвой. Края получившихся гильз Илья тоже закупорил прочными глиняными пробками и оставил подсыхать возле горячей печки.

— Теперь надо сделать главное приспособление для сего огненного устройства — добрый фитиль, — Илюха бормотал себе под нос, а руки делали. — Для него требуется хорошенько смешать мелкий порох с горючим. Хоть с тем же древесным дёгтем, которым смазывают тележные оси! В этой смеси мы вываляем скрученные нити шерстяной пряжи и тоже их просушим. Гореть они будут славно, тогда огонь без труда прихватит наши заряды. Пяток гильз мы плотно набьём порохом целиком и фитили к нему подведём через отверстия снизу. Привяжем трубки к втыкающимся в снег длинным лучинам. Получатся почти что пули! И полетят они от взрыва зарядов вверх, как из мушкета. Кстати, царь Пётр уже использует в армии подобные сигнальные устройства. А в другие трубочки фитили, наоборот, опустим в дырочку сверху до самого дна и лишь после того осторожно утрамбуем вокруг них порох. Когда мы закрепим их на земле вертикально и подожжём, пороховое зелье будет выгорать постепенно, выталкивая фонтаны искр к небу.

— Ёлочки-сосёночки, где же ты, Илья Павлович, сию замысловатую пороховую науку постиг? — уважительно поинтересовался Егор Фомич, всё это время не отходивший ни на шаг от Ильи.

— Добрый путь многому учит, — пояснил вологжанин. — Мне по купеческим делам не однажды доводилось бывать с батюшкой на ярмарках в разных городах и весях. Всяких мастеров там встречал. Вот и у опытных фейерверщиков их занятием любопытствовал. Сам пробовав под их присмотром делать римский огонь, ракеты, шутихи... Заметил, что в иные

приспособления знатоки добавляют специально натираемые напильником металлические опилки и какие-то секретные составы, придающие огню разные цвета. Но в тайге подобного не сыщешь, посему ограничимся в сей раз лишь силой пороха. Для первого знакомства с огненным действием и того довольно.

— Уж я охотник, имею дело с огненным боем — могу представить действие твоих зарядов. Однако ж хотелось бы самому глянуть на тот фейерверк воочию. Когда ты, говоришь, собираешься поджигать свои трубки — ближе к полуночи после празднования дня Василия Кесарийского? — большак никак не мог скрыть интерес к новинке. — Постараюсь не забыть, чтоб выйти на крылечко да взглянуть в сторону Подгорья. Авось из Коскосалмы угляжу, как будут летать сии ракеты. Надо ж, никак не думал, что даже в армии ёни уж стали привычными... Ах да, насчёт Нового года забыл спросить. значаща, правду люди баяли, будто теперь ён не по церковному новолетию с 1-го сентября, но с 1-го января отсчитывается? И какой, напомни-ка, ён там нонче в Европах наступает — 1703-й? Баловство антихристово. Мы, старики, пожалуй, с ним никогда не свыкнемся. Как вели родословную человечества от Сотворения мира, так и впредь будем свой счёт вести. Ревнителям древлего благочестия строго-настроено заповедано опасаться искусительных новин, но твёрдо придерживаться старых порядков, заведенных нашими дедичами и отичами. Господи, спаси и сохрани души наши, не введи нас во искушение!

Васильевский вечер

День Василия Великого Кесарийского считался рубежом между страшной и святой неделями святок. К этому сроку гости из других деревень уже разъезжались по своим домам. Оттого, может, и повелось, что возник запрет не звать чужаков на местную молодёжную бесёду в заветный Васильевский вечер. Однако Илью Белозерского, остававшегося жить в здешнем Кургилово и в нарушение утвердившейся заповеди приглашённого на вечерёрку самим вожаком ватаги, местные ребята с нетерпением ждали. Понятно, его встретили просьбой сразу показать изготовленные им ог-

ненные фонтаны, о которых успела рассказать со слов своего деда Дарья Дмитрова.

Вологжанин, не заставляя себя ждать, осторожно выложил на стол из котомки больше десятка завернутых рогожей и запаянных на концах глиной камышовых трубок, из которых торчали коричневые нити фитилей. В иных гильзах таких фитилей оказалось несколько. По задумке создателя фейерверков, кроме запальной нити, в ракеты были заложены длинные хвостики, которые должны загореться во время полёта огненных снарядов. Объяснив, как действуют изготовленные им устройства, Илья попросил всех ни в коем случае не трогать их во избежание случайных взрывов и предупредил, что запускать фейерверки надо в самую полночь — именно в честь встречи Нового года по заведенному московским царём обычаю.

Смирившись с ожиданием невиданного зрелища, молодые водлозёры вернулись к ведению беседы в принятом порядке, а гость присел пока на лавке в сторонке, рядом с хозяином избы дедом Пешей. Старый карел приветствовал Илью крепким рукопожатием, но взглянул на него как-то странно — то ли сочувственно, то ли ободряюще: дескать, не журись, парень, знаю я уже, какие тебе предстоят испытания и как ты их на деле осилишь... Поспешно погасив свой глубинный ведовской взгляд, Корелянин тут же попытался отвлечь внимание Илюхи обыденным житейским разговором:

— Глянь-ка, Ильмо, как у меня нынче изба начисто вымыта. Только раз в году её в этакый порядок водлозёрские девахи приводят — как раз к Васильевскому вечеру. Угадал же царь Пётр следом за иными державами с этой ночи Новый год встречать. И мне теперь отрадно без былой грязи в новолетие вступать. А впрочем, поток времени не людским законам подчиняется. Как и не всякая примета в играх нашей неразумной молодежи верно им судьбу предрекает...

— А говорят, что ты, дед Пеша, вернее случайных примет судьбы провидишь...

— Увы, дадены мне сии скорбные знания, — согласно качнул головой ведун, — но открывать их человекам до поры не положено, дабы случайно не порушить нити времени. Они мо-

гут, как твой фитиль, вдруг загореться и случайно взорвать где-то гибельную ракету — разрушить то, что предначертано свыше.

Илюха вроде как озадачился, соображая, что имел в виду Пеша.

— Но ты же приходишь на помощь оказавшимся в беде людям и заговорами их от грядущих неприятностей или болезней оберегаешь. Значит, всё-таки сам можешь вторгаться в будущее и выправлять то, что случилось в прошлом? — выпрашивал парень.

— Отнюдь, милоч, — на сей раз не согласился старик. — Что будет — того не минуешь. Своим вещим словом али советом я могу помочь лишь тогда, когда чую, что у событий нет строгой роковой предопределённости. Вот, скажем, ежели болезнь человеку ниспослана не конечной карой небесной, но временным испытанием, ежели нечистые духи закрыли скот ради лукавой шутки и собственного своеволия, ежели непредвиденные роком козни против ближнего строит другой имярек, рождённый на грешной земле... Но во многом остальном я не вправе ничего изменить... Вот, к примеру, нисколько не способен я столь же легко склонить друг к другу горящие лучинки для намёка на соединение влюбленных али связать промез собой опущенные ими в воду ниточки...

Участники беседы первым делом занялись именно такими святочными гаданиями. Лёха Сергеев и Устя Иванова горячо спорили с её старшим братом Фёдором, не соглашавшимся с тем, что воткнутые ими в щели пола горящие лучинки склонились навстречу друг другу. Федька ревниво настаивал на расхождении их в стороны. Обиженные ворожеи теперь звали на помощь третейским судьёй кургиловского Даньку Петрова, готовясь поджигать вновь выбранные ими лучины и загодя присматриваясь, как их удачнее поставить, чтобы всё же переубедить Фёдора.

Остальные ребята сгрудились под ярким пламенем большой свечи возле стоявшей на широкой лавке миски с водой, в которую опускали скрученные белые нитки другие пары. Юрка Савин и Анисья Онуфриева довольно улыбались — их ниточки удачно переплелись, как бы подтверждая возникшее между ними чувство взаимной привязанности. А у Агафьи Петровой и Сидора Иевлева тот же не-

замысловатый опыт никак не удавался. Наблюдавшие за этим вожак ватаги Колька и Дарья Дмитрова в сей раз решили не рисковать поиском новых примет, ненароком грозивших переиначить уже достигнутый ими стговор о сватовстве.

Из местных не оказалось на вечёрке только Катерины Иевлевой. Пояснил её брат Сидор, что она не ко времени расхворалась после того, как накануне в полночь сбегала к проруби, чтобы намочить в ней одну ногу вместе с чулком. По обычаю, так с мокрым чулком и улеглась в постель, не закрыв на крючок дверь и не благословившись. Только всё приговаривала про себя: «Суженый, ряженный, приходи чулок снимать». И вон как получилось нелепо — к утру не на шутку простудилась и слегла в горячке. Пришлось отпаивать её кипячёным молоком с мёдом да горячим малиновым взваром...

— Не пора ли трапезничать, огольцы? — на правах хозяина проверив стоявшие в печи большой чугунок с томившейся в нём ячменной кашей и подрумнявившиеся на противне пирожки с толокном, прервал опыты ворожбы Пеша Корелянин. — Угощение поспело, а артельный котёл, как известно, гуще варит. Ну-ка разбирайте ложки да садитесь к столу.

Ребята разместились за столом, а хозяин сначала выдал каждому в руки по праздничному пирогу, а затем ловко поддел ухватом горячий чугунок и выдвинул его на середину столешницы. Никто не стал возражать. Конечно, в тайне всякий предпочёл бы сам попытать судьбу, но с другой стороны, получить её от знатного ведуна будет даже более убедительно. Осторожно надкусывая горячую выпечку по краям, ребята поочерёдно стали загребать деревянными ложками из общего котла наваристую кашу. Первой зацвела улыбкой Дарья — ей попался запечённый в пирог цельный кусочек сахара. Она тут же сплюнула его на ладонь и, показывая всем, восторженно заверещала:

— Слава богу! Всё-таки сладким у меня год получится. Я в это верила, верила...

— Говорил же я тебе, Дашутка, что всё у нас сладится, как задумано. Крайняя вещь примета любую былую перебивает, — намекая на недавнюю промашку хуляков в доме Варвары Журавлихи, обрадованно пояснял Колька доставшийся подруге жребий.

— А я тут о какой-то камушек чуть зуб не сломал, — следом привлёк к себе внимание Данька Петров. — Ха, да то не камень вовсе, а поллушка медная!

— Чему же удивляться — деньги к деньгам. Кто бы сомневался в удачливости махлаков Петровых... — с завистливым смешком заметил Сидор Иевлев.

— Что же получается, если в моём пироге комок соли попался, значит, мне, что ли, плакать придётся? — с удивлением спросил считавший себя посторонним на этом чужом застолье Илья Белозерский.

— Не обессудь, Ильмо, по всему выходит, что не так уж случайно оказался ты за сим судьбоносным столом, — мудро усмехаясь, развёл руками дед Пеша. — Может, как раз тебе уготовано нечто непредвиденное. Зато, приняв на себя малую солёную долю, ты наших робяток от неё выручил... Вот как случилось, вдвойне ты краю нашему пользу принёс — и хлеб вовремя к Рождеству доставил, и от лишних слёз в будущем году избавил...

— Да ещё ферверк нам забавный устроить должен, — ничуть не огорчаясь неудаче чужака, а больше довольный тем, что соль досталась не ему самому, зубоскалил Юрка Савин. — Девчата, айда теперь на росстань лешаков озубками кормить, за этакую плату они нам вернее судьбу приоткроют.

Некоторые ребята, наскоро одевшись, выскочили вслед за Юркой во двор и побежали к ближнему отвороту на Канзанаволок. За ними вразвалочку засеменял потревоженный в конуре старый Гугай, почуявший в людских руках запах вкусной выпечки, которой он тоже не прочь был полакомиться сам, но не уступать лешим. Даша с Николаем снова отказались лишним раз испытывать судьбу уже прискучившими им гаданиями на перекрёстке дорог. Они решили помочь Илье установить ракеты, взявшись привязывать их фитилями вниз к самым длинным лучинам. Затем колышки с гильзами воткнули в ряд за изгородью с небольшим наклоном в сторону озёрного пролива, а «фонтанчики» поставили прямо в сугробы возле забора и до срока прикрыли от сырости батареи фейерверков рогожами.

Не побежал вместе с остальными и Фёдор Иванов. Прихватив мешок, он украдкой

отправился в стоявший на краю отцовского двора курятник, чтобы врасплох захватить сонного петуха, который требовался для проведения ещё одного обряда ворожбы.

Впрочем, следующим по очереди стало другое, пожалуй, самое весёлое северное гадание. Когда ватага вернулась обратно, атаман, не дав ребятам передохнуть, бросил снова возбуждавший всеобщий интерес призывный клич: «Бежим лучить в проруби!» Тонкие лучины Колька загодя настрогал и раздал всем желающим. Все гурьбой спустились к проливу, где разделились на мужскую и женскую группы.

Сначала с лучинками в зубах встали на четвереньки у проруби девчата, быстро окунули их в воду и наперегонки побежали обратно. За ними так же сделали парни. В доме они столпились у лучин, горевших в двух светцах, пытаясь раньше других поджечь кончики подмоченных щепок. Первыми этого добились Дарья и Николай. Возможно потому, что они намеренно схитрили, не очень глубоко опустив в воду свои тонкие палочки, оттого быстрее обсохшие и зацепившие жаркое пламя. А может, действительно сама судьба уже не противилась их скорой женитьбе. Сверстники тоже ничуть не возражали против удачливости приятелей, которых без стеснения называли женихом и невестой. Остальные успокоились тем, что им всем всё-таки удалось в разной очерёдности вымолить огонь для своих вещей знаков, пока не потухли лучины в светцах. Ведь случись иначе — это могло бы стать предупреждением о скорой смерти.

Наконец черёд дошёл до девичьего гадания с принесённым Федькой петухом. Ребята встали в круг, отделив друг от друга участвовавших в обряде Дарью, Агафью и Устинью, возле которых насыпали в кучки по двенадцать ячменных зёрен, заранее отложенных при изготовлении общинной каши. Анисью старший брат Николай своей волей исключил из числа гадающих по малолетству — мол, рановато ей о свадьбе думать, пока он сам не женится. Фёдор достал из мешка недоумевавшего, ворчливо кудахтавшего петуха, выкраденного прямо с насеста, раскрутил его в центре горницы так шибко, что отпущенный из рук тот стал спотыкаться на ровном месте, совершенно не понимая, чего от него ждут. Немного успокоив-

шись и убедившись в возможности свободы передвижения, цветастая птица с пышным хвостом стала потихоньку проявлять проснувшееся любопытство, приглядываясь к окружающим, наклоняя вбок голову со спадавшим в сторону красным гребнем. Поначалу петух медленно походил вокруг своей оси, потом вроде узнал среди людей хозяйку Устю и двинулся в её сторону, но, разглядев рядом с ней недавнего обидчика Федьку, резко отвернул налево к Дарье и тут наткнулся на лежавшие перед ней зёрна. Удивляясь неожиданному подарку судьбы, разок клюнул для проверки, распробовал и смелее принялся молотить клювом по полу.

Только тогда ребята в круге громко выдохнули от напряжённого ожидания и стали обсуждать выбор вновь потревоженной шумом птицы. Большинство с согласием и пониманием: дескать, так и должно было случиться — именно Дарье совсем скоро предстоит свадьбу играть... Агафья — с недовольным намёком: наверняка всё как-то подстроили... Устя — с обидой на Федьку: мол, это брата петух испугался, надо было ему около Дашки встать, тогда бы всё иначе вышло...

— Будет спорить, ворожей! После драки кулаками не машут. Попомните мои слова: всякую случайность можно по-всякому объяснить, но повторить произошедшее никому не дано, — не сдерживая смеха, примиряющим голосом остановил пересуды старик Корелянин и сразу переключил внимание ватаги на ожидавшийся всеми новый поворот нынешнего Васильевского вечера: — По моему разумению, скоро полночь наступит. Не забыли, чай, что собирались Новый год встречать с московскими огненными фонтанами? Вот и срок тому подошёл. Ступайте во двор. Да и я, пожалуй, вместе с вами выползу поглазеть на рукодельные огневые потехи. Давай, Ильмо, запаливай заготовленный факел, покажи нам, какие новины люди для развлечения в больших городах придумывают.

Водлозёры встали поодаль у крыльца, присматриваясь, как Илья поочерёдно поджигает факелом фитили поставленных у забора фейерверков. Вырвавшиеся вдруг из гильз струи искристых брызг, яростно вспоровших кинжальным огнём темноту ночи, вызвали у

них бурю восторга. Особенно шумно ребята приветствовали пару самых неудачных запусков, когда из-за расшатавшихся глиняных пробок трубки выстрелили ими с разрывом и резко вспыхнувшим открытым пламенем. Но остальные чуть подольше поднимали из узких дырочек фонтаны искр почти на саженную высоту.

Затем вологжанин перебежал за изгородь и с задержкой до полного завершения каждого отдельного запуска стал запаливать привязанные к лучинам ракеты. Это зрелище понравилось ещё больше. Гильзы после громких взрывов улетали в небо по яркой дуге, оставляя за собой отделявшиеся от них горящие змейки добавочных фитилей.

— Ух, красотища! Смотрите, будто к озеру звезда летит... Дак там вон огонь струйками вниз падает... Надо же, как жажнуло, даже уши от грохота забило... Вот ить как люди научились порох использовать. Сколько же драгоценного охотничьего зелья требуется в Москве на большие царёвы потехи? — восхищённые ребята переговаривались о неведомой им прежде забаве.

— Давайте, прежде чем по домам разойдёмся, дадим возможность желающим погадать на суженых с хомутом и зеркалом. Не то в следующий раз у мамыши Петровых единственное в округе зеркальце вдруг выпросить не удастся, — предложил после возвращения ватаги в избу Николай Онуфриев.

Первым напялил на шею хомут, залез на печь и прижался боком к стенке дымохода расторопный Юрка Савин. Зеркальце с зажженной свечой держала перед ним вставшая на лавку со стороны красного угла Анисья. Отражение в зеркале должно было показывать приоткрытую во двор дверь, из которой ожидалось появление образа суженой или иных вещих знаков, кои извне нагоняли воображению гадающего нечистые духи.

Чтобы проход к отворённой двери оставался пустым, остальные участники беседы расселись в темноте по лавкам. Илья оказался рядом с кургилловской соседкой Агафьей Петровой, выпросившей у матери редкое по тем временам зеркало на эту вечерку. Будучи знакомыми по былым встречам в Кургилово, они шёпотом разговорились между собой.

— Мне сказывали, что у вологодских чухарей в бедных деревнях тоже при гаданиях используют хомут, иногда без всякого зеркала. Пока не возьму в толк, чем обычное лошадиное убранство может помочь в создании видимых глазу картин, — говорил Илья девушке-соседке.

— Да тем, что конский хомут копытной нечисти ближе прочего. Он используется как окошко в потусторонний мир. Вот влез ты в него — значица, прямо туда заглянул... Хотя понятно, что с зеркалом надёжнее углядеть что-нибудь более ясно. Без него ерунда всякая может пригрезиться. По ошибке вдруг да не то высмотришь. У нас об этаких промашках шутят: пень одень — и тот красив окажется, — открыла секрет ворожбы Агафья.

— А ты сама будешь с зеркальцем гадать или дома попробовала? — спросил Илья.

— Конечно, оно же наше. Мы с братом Данькой не раз так в святки через отражение в нём дверцу свечкой подсвечивали и своих суженых уже высмотрели. Да вот только ещё не стренули их, как повезло славутнице Дашке...

Илюхе стало любопытно, что за слово такое. Агафья растолковала:

— Ну, у нас на Водлозере таких удачливых да заводных красавиц прозывают славутницами или покрутицами. Вот выйдет она замуж за Кольку, тады для другой сие место освободит. И на нас парни будут больше внимания обращать. А то ить в тайне почти все по ней сохнут, пока она в девках ходит...

Илья решил ещё кой-чего выведать:

— Вижу, что Дарья с Николаем тоже не собираются с вещим хомутом баловаться... — сказал он.

— На что им кого-то нового выглядывать, — тут же отозвалась соседка, — ежли они уж о свадьбе сговариваются? А вот тебе, молодому да холостому, пожалуй, не помешает судьбу спытать. Вдруг меня там суженой увидишь? Давай я тебе зеркальце подержу, — с надеждой в голосе улыбнулась Агафья.

— В самом деле, почему бы и нет? — решился Илья и, дождавшись, когда на хомут больше никто не претендовал, обратился к собравшимся: — Позвольте, православные, случайному гостю тоже ваше затейливое гадание спробовать. Авось и на мою долю выпадет какой-нибудь добрый знак — не только соль в пироге.

С несдержанными смешками вспоминая досадный жребий чужака, водлозёры согласно закивали. Только дед Пеша понурил голову и грустно сказал:

— Спешешь ты, Ильмо, судьбу свою прознать. Не забывай мудрую присказку: надейся добра, а жди худа. Как бы ненароком худое чего не выведет о себе али своих ближних. Но уж ежели сам выбор сделал, на себя потом и пеняй...

Слова старика не на шутку растревожили Илюху, однако отступать было поздно. По примеру водлозёров он устроился на печи, просунул голову в хомут и стал внимательно вглядываться в зеркальце, которое держала перед ним Агафья.

Сначала в отражении угадывался лишь тёмный проём приоткрытой двери. Потом вдруг со двора послышалось шумное движение. Издали показались приближавшиеся огни свечей, следом раздалась звуки размеренных заупокойных молитв... Илья ясно увидел, как одетые в чёрное фигуры с неразличимыми лицами вносят в сени большой гроб, в котором кто-то лежал. Кто же? Неужто нечистая сила несёт во гробе его самого — Илью Белозерского? Нет, не похоже. Испуганно приглядевшись к облику бледного покойника, вологжанин невольно ахнул. Ему причудилось, будто это был его верный товарищ Тимоха Тверянин... Поспешно сбросив с себя хомут, Илюха стал истово креститься.

Зарубки на память

Вторые сутки бродили Дмитров, Каргополец и Илья на лыжах по заснеженной тайге в районе устья Илексы. Новые впечатления захлестнули Илюху, отвлекли от грустных раздумий о возможной скорой гибели его закадычного приятеля Тверянина, которую напорочило несуразное гадание с хомутом и зеркалом в Васильевский вечер. Тимофею он о том ничего не сказал, но в тайне обрадовался, что тот решительно подтвердил отказ участвовать в охоте, сопряжённой с непредвиденными опасностями.

Первые любопытные открытия ждали вологжанина на мысе Утиннаволоок, длинным «утиным носом» прикрывавшем от Коскосал-

мы озёрный заливчик, над которым чуть высились нивы Вороньего поля, как прозывалась по-русски деревня Варишпельда, через которую пролегал путь. Сначала охотники наткнулись на перерезавшие мыс вручную прорытые канавы, летом облегчавшие рыбакам быструю переброску лодок-водлозёрок между известными старожилам богатыми тонями. Дальновидная мужицкая хитрость заслуживала всяческого уважения, ибо свидетельствовала о рациональном обустройстве местности под свои насущные нужды, что позволяло легко осуществлять волок довольно тяжёлых лодочек даже не посуху, как недавно у поморов на Осударевой дороге, но по малой воде, скапливавшейся в тех рукотворных канальчиках.

Потом заметное удивление приезжего вызвало бросившееся ему в глаза скопление причудливых деревьев, с явным умыслом подрубленных по верхушкам или вытесанных по стволам какими-то тайными знаками. Как объяснил Егор Дмитров, такой обычай — отмечать специальными пометами-карсикко определённые памятные места или важные для охотников ориентиры — остался в наследство от живших здесь прежде лопарей. Изначально знаки карсикко появились именно в почитавшихся священными рощах и на могильниках, что соответствовало прямому значению слова у карел-ливвиков — «кладбище». Правда, саамы чаще подрубали вершинки молодых ёлочек и сосенок, отчего те при последующем росте приобретали весьма затейливые формы. А русичи обычно делали на стоявших возле захоронений стволах затёсы топором, на которых вырезали инициалы усопших родителей или какие-нибудь иные символы — те же обереги от лешаков и водяных. После обычая приобрёл не только береговое, но и чисто практическое значение, когда полесники стали оставлять на деревьях особые меты, помогавшие скорее выходить к ручьям, родникам, звериным тропам...

В тайге за Варишпельдой путники сделали привал возле небольшой избушки, помеченной набитым поперек двери восьмиконечным крестом. Спутники показали Илье пример благоговейного отношения к этому приземистому бревенчатому домику, оказавшемуся одной из распространённых по всему Водло-

зерью заветных часовен. Перед входом внутрь мужики тщательно отряхнули снег с валенок, троекратно перекрестились и поклонились кресту. Собак отогнали подальше. И Илью попросили в часовне громко не разговаривать, не мешать им в молитвах о промысловой удаче.

Обращённая к востоку стена часовенки представляла собой своеобразный алтарь. По центру полочки, установленной на прочные косые опоры, стояли иконы с ликами Спасителя и Богородицы, шествующего по небу в красной колеснице грозного пророка Илии и смиренно сложившего руки на груди Николая Угодника, а также некоторых других особо чтимых святых. Вдоль стены висели домотканые холсты с вышитыми на них разноцветными крестами. По углам полки лежали пахучие ветви можжевельника и всевозможные бытовые предметы — крепкие валенки и лыковые лапти, шерстяные носки и рукавицы, рубахи и порты, свинцовые шарики пуль и мелкие охотничьи ловушки...

Ещё при входе Каргополец ловко высек кресалом искру на трут, раздул появившийся на нём красный уголёк и запалил от него сухую щепочку, огоньком которой следом зажёл толстую свечу, стоявшую возле икон в заполненной речным песком глиняной плошке. Егор Фомич тоже бережно достал из-за пазухи огарок свечки, оставшийся у него с Рождественской службы в Ильинской церкви, зажёл его от уже осветившего помещение пламени, воткнул в песок рядом. Потом каждый из охотников оставил на разных углах полочки свои заветные дары — Савва, похоже, спрятал среди прежних одёжек отменную беличью шкурку, а Дмитров подложил ближе к иконам совсем нелишнюю в бедном хозяйстве полушку. Оба делали это с полной уверенностью в том, что никто из прохожих, которым доведётся сюда зайти, не посмеет покуситься на оставленные Богу и Его святым подаяния, ни при каком искушении не отважится присвоить их себе, ибо иначе будет на веки проклят и поражен неизлечимым недугом.

Потом мужики о чём-то молчком помолились, начисто вывели лесную сторожку стоявшим в дальнем углу голиком, потушили свечи и с поклонами вышли наружу, плотно закрыв дверь на шеколду.

— А зачем люди оставляют здесь, в глухом лесу, такие странные подарки, особенно одежду и обувь? — спросил Илья у спутников, когда они остановились чуть поодаль вокруг очищенного от снега пенька перекусить прихваченной из дома готовой стряпнёй.

— Да по нашему обычаю, всякий приносит в заветные часовенки то, с чем связывает своё обращение к Богу, Царице Небесной и всем святым, — взялся объяснять местную особенность Савва Каргополец. — От допустим, болят у полесника ноги, значаца, он приходит сюда молить об их исцелении с башмаками али портами, руки ослабли — варежки али вачаги молитвой заговаривает, всё тело ломит — рубаху как бы в заклад силам небесным отдаёт... Ну а мы уж на ход ноги иногда просто о фарте охотничьем просим.

— Правда, попы нашу склонность к таким святым заветам осуждают, проклинают, называют язычеством, да мы никак от того не отвыкнем. Исстари так повелось, от предков нам заповедано — самим накрепко хранить, детям и внукам передать, — добавил Фомич, всегда умудрявшийся увязать народные традиции с верностью дедовской вере.

Остаток первого дня охотники посвятили поискам звериных меток на знакомых им тропках. На пуйтавших по деревьям серовато-рыжих белок пока даже внимания не обращали и лаек своих приструнили лишнего не твякать, не шуметь до поры, чтобы не вспугнуть добрую добычу. От захода на медвежью берлогу тоже отказались сразу — из опаски рисковать жизнью неопытного знатного гостя. Заячьи, лисьи, волчьи и прочие следы примечали до подходящего случая. Гнаться за лосем или оленем по рыхлому снегу посчитали рановатым — этих быстроногих рогачей удобнее полесовать после установления крепкого мартовского наста, который затрудняет их передвижение и даёт преимущество охотнику на лыжах. Однако расчёт всё-таки сделали на достойное мясо — на кабана. Приметливый Каргополец по некогда оставленным им самим затёсам на соснах вышел на ведущую к Илексе тропку, протоптанную на водопой кабаньим выводком.

Чтобы не оставлять устойчивые человеческие запахи, заночевать решили подальше от

звериной тропы под речным обрывом. Его стена прикрыла охотников со спины, потому ночью ставить не стали. Разведенный на берегу большой костёр послужил надёжным заслоном студёному ветру со стороны открытого простора Илексы. В умело устроенном из пышного елового лапника шалаше, да ещё под тёплой медвежьей шкурой Каргопольца, да с пристроившимися с боков верными собаками прижавшимся друг к другу после горячей похлёбки путникам показалось совсем не холодно. Как раз тогда, перед сном, настал срок очередной серии охотничьих баек про местную лесную нечисть.

— Так я, Егор Фомич, сказывал уже Илюхе в Пильмасозере про наших водяных да леших. О том, как сам, бывало, плутал в погоне будто бы за знакомцами в балахонах, ан не догонял никак. И после, токмо переодев наизнанку одежду и смиренно помолвившись Господу, на верную дорогу выходил... — Каргополец подошёл к обещанной теме издалека, да, не умея лукавить, следом сразу взял быка за рога: — И про твою памятную встречу с лесным хозяином тоже помянул... Однако, чтоб в этакое поверить, надобно подробности от очевидца услышать. Будь ласков, расскажи парню ту историю. Пусть убедится, что мы тут ничего не выдумываем, а уж, как дадено, живём с нечистыми по-соседски.

Упрашивать Дмитрова, в тайне гордившегося своей сметливостью, которая немало помогла ему избавиться от приставаний лешака, не пришлось.

— Впрямь был у меня этакий нечаянный случай годков десять тому... Да при том совсем не на охоте мы с лесовиком стренулись неподалёку от Коскосалмы на нашем острове, когда я примеченную раньше высохшую сосну пошёл в лесок на дровишки обкарзать. Тогда ещё сказал перед уходом своей супружнице Василисе, что постараюсь быстрёхонько обернуться. Запомятовал ненароком, ёлочки-сосёночки, что нельзя, уходя в лес, говорить о скором возвращении. Этта уж как Бог даст и лесной хозяин позволит... Вот ён ко мне и наведалься под слетевшее из уст дурное слово. Сначала, главное, откуда ни возьмись маленька чёрна собачка у меня под ногами закрутилась и так нахально-пискляво затявкала, что я её от нежданки чуть палкой не огрел...

Фомич сделал внушительную паузу перед продолжением вспоминаемого эпизода, чутко прислушался к молчанию ночной тайги, будто ожидая памятного лая лесной собачонки, потом успокоился, сосредоточенно прикрыл глаза и возобновил свою повесть:

— Глядь, вслед за собакой высоченный мужик со стороны болота возник. Одет ён был в перевязанную красным кушаком обычну таку рядницу с запашкой налево и очень низко опущенным на голову балахоном, как верно сказал Савва. Поначалу ён тоже показался мне давним знакомым — напомнил старика Никифорова из Канзанаволока. Но немного погодя я сообразил, что Арсений Григорьевич к тому времени уж месяц как помер. Насторожился, стал приглядываться: лицо у ёго тёмное, глаза огромные, с искоркой чудной — то ли бесовской, то ли шутейской... Ай заговорил впрямь вроде шутливо: «Садись со мной, гость лесной, на одну колодину, да табачку покурим из мово кисета». «Ницего, этта на свой пенёк присяду, места хватат, — отвечаю я и вспоминаю, что в подобных случаях нашего Небесного Заступника не помешает на помощь звать: — Господи, благослови на дельнички свои сесть! А насчёт табачку, не обессудь, мил человек, не курю я вовсе и другим не советую...» Ён головой крутит, дивится обидчиво: «А-а! Знал, что сказать! Давай тогда песни с тобой петь...» Как тут откажешь? Понял я ужо, что сам лешак ко мне присунулся, говорю согласно: «Отцего ж не попеть с добрым человеком? Песни я люблю, споём с Богом!» Да и скоренько первым затянул пришедшую на ум каку-то разбойную былинку, крепко запоминая начальные слова...

— А зачем их запоминать? — поспешно спросил любопытный Илюха.

— Так в том и сермяга кроется. Дабы лешака отвадить, надобно с ним не спорить, говорить ласково, чаще Бога призывать, но ни в коем случае не садиться с лесовиком на одну валёжину, не курить из его кисета и, ежели ён призовет песни петь, непременно первые слова запомнить, а потом их повторить. Нынче-то я запомятовал, что мы с им пели, но токмо начало песни я ко времени лихо повторил в точности и добавил: «Лес праведный, оставь меня с Богом!» Ух, как ён взбеленился с досады, вскочил на ноги, заплелался, заругался: «Всё ж

ты знал, что сказать, ну тады держись крепче!» Да как засвистит ураганисто, похлеще того Соловья-разбойника, аж вековые деревья кругом зашатались... Да сам вдруг вырос до верхушек сосен и пошёл от меня буреломом просеку к озеру прореживать... Вот уж я страху натерпелся, чуть нечаянно в порты не обделался. Не приведи Господь наново этакое спытать!

— А коли б ты, Егор Фомич, — уточнял Савва, — ошибку какую допустил? Ну, там... растерялся, забыл, что сказать надо, как себя вести... Что б тогда с тобой случилось?

— Знать, увёл бы меня лешак в глухие корбы, голодом изморил, в плутнях бестолковых измочалил али бы хворь наслал незнаемую... Так ён обычно наказывает тех, кто не по евонному разумению себя в тайге ведёт — ругается без оглядки, зря деревья рубит, разоряет птичьи гнёзда и муравейники, а то, как я, бахвалится, что скорёхонько домой вернётся. За сосну-то сухую вряд ли ён на меня осерчал, видел, что по нужде на дрова сушину карзаю... По всему выходит, сурьёзного повода меня преследовать у ёго не было. Посему ён токмо хорохорился больше, силушку свою выказывал для острастки...

— Тебе, Фомич, просто повезло, но другим раненько «гоп» говорить, пока через колодину ты не перескочат. Знал я одного старика, ко его за похожую мелочь лесовик взаплечь оседлал, вконец загонял по буеракам да потом этак нещадно ему спину загрыз, что у того большой горб вырос, — крестясь в оборону от случайной напасти, вспомнил другую байку суевёрный Каргополец.

Егор Фомич стоял на своём:

— Думаю всё ж, что тот старик поболее провинился али слова каки заветные забыл. Не станет лес праведный человек без вины столь жестоко карать. Ведомо всем, что крещёных Отец Небесный, святые Его и ангельские силы от нечисти защищают.

— Наверное, ты прав, — согласился Каргополец. — Мне знакомец без подробностей о том случае сказывал. А в главном я с тобой согласен. Да и по своему опыту ведаю. И у чухонцев местных не зря присловье такое бытует: «Как ты к лесу, так и он к тебе». Мы нынче никаких заповедей не нарушили, посему спать можем спокойно... Спаси и сохрани, Господи, души наши!

Кабанья охота

Утром встали спозаранку. Наскоро помолившись и позавтракав, Каргополец собрал жерди от шалаша, перевязал верёвками еловый лапник и упаковал всё это в свои кережи. Когда затемно подошли к кабаньей тропе, шалашный материал пригодился для сооружения двух лавасов, устроенных саженьх в двух над тропинкой. На них улеглись Илья и Фомич. Савва ушёл вперёд, устроившись с подветренной стороны за сугробами, зорко наблюдая за движениями в лесу и прикрыв шкурой совершенно притихших послушных собак, по опыту почуявших ответственность момента.

Ждать пришлось долго. Илья, сначала бодрившийся и чутко всматривавшийся в угадываемое направление едва притоптанной в снегу тропки, потом заоченел от холода и невольно стал клевать носом в накатившей на него дремоте. Потревожил его какой-то странный шум, похожий на тихое похрюкивание. В полудрёме показалось, будто лежит он на душистых ветках в хлеву рядом с загонем для свиней. Ан нет, это вовсе не тёмный хлев, и свинки тут не домашние хрюкают. Снизу перед вологжанином саженьх в десяти показались четыре пары горящих красных глаз на горбатых переносицах — тёмные силуэты выстроились друг за другом. Молодой охотник осторожно взвёл затворы пистолей и затих, прицеливаясь в кабанчика, следовавшего за матёрым вожаком. Первого зверя по уговору должен был уложить из длинноствольного кремнёвого ружья притаившийся на соседнем лабазе Егор Дмитриев. Каргополец взял на себя роль чистильщика — ему предстояло или прикончить сбоку недобитую добычу, или валить оставшихся молодых свиней, когда их погонят по тропе ожидавшие сигнала собаки.

Громкий выстрел Фомича, казалось, совпал с раздирающим слух предсмертным визгом раненого борова. Илья, ни секунды не медля, отправил в выбранную цель заряд из первого пистоля, затем перехватил в правую руку второй и пригляделся, куда лучше стрелять. Его жертва, поражённая в самый глаз, упала на землю без видимого движения. Одна из молодых свинок попробовала развернуться и бежать назад, но, наткнувшись на выросших

перед ней звонкоголосых лаек, сдуру прыгнула в боковой сугроб, где стала лёгкой добычей Каргопольца, который, пока не тратя зря пороха, накинул на неё прочную неводную сеть. Другая свинья, похоже, опытная и смелая самка, напротив, метнулась вперёд, пытаясь прорваться к реке и уйти дальше по льду или по берегу. Сваленный дмитровской картечью самец, истошно визжа, всё-таки нашёл в себе силы встать на ноги и готов был броситься на любого обидчика с выставленными навстречу опасности грозно загнутыми клыками. Но к нему уже приближался Савва с нацеленным на кабана ещё не стрелявшим ружьём. Положившись на опыт бывалого полесника, Илюха решил не упускать уходившую из ловушки кабануху и отправил вторую пулю ей в затылок, когда она пробежала под ним. Почти одновременно раздался добывавший жожака выстрел Каргопольца. А следом старик Дмитров, с завидной сноровкой соскочив с лаваса, воткнул охотничий нож в брюхо самки, кувырнувшейся к его ногам от нанесенной Ильёй раны.

— Вот так добыча! Я и надеяться не смел, что нам удастся накрыть весь выводок, — довольно улыбался Каргополец, подставляя пороженую деревянную баклагу под струю дымящейся крови, бившей из тела матёрого кабануши. — Как бы ты меня порадовал, Илья Павлович, кабы остался жить с нами. С твоей меткостью в стрельбе мы бы никогда нужды в мясе не знали. Дабы не утратить верность глаза и твёрдость руки, испей-ка, стрелок, тёплой кровушки могучего лесного соперника. Не гнушайся, прими баклажку. У здешних карел и чудинов этак заведено исстари — силу звериную в себя принимать...

— Да уж, внучок, в меткости тебе не откажешь, — тоже отпивая кабанью кровь из походной фляги, согласился Фомич, осматривая молодую свинку, сваленную Илюхиным выстрелом в глаз. — На что моё попадание в этаких потёмках можно считать удачным, но я токмо бок борову картечью вспорол, а ты пулями из короткоствольных пистолей одну кабаньку сразу уложил да и другую обездвижил... Кто так ловко стрелять научил?

— Мой дедушка Ерофей был большим докой в оружейном деле. И от своих братьев-стрель-

цов, и в войске Степана Тимофеевича Разина сию науку справно освоил. Было у кого учиться, — пытаюсь придать голосу скромность, ответил Илья, внутренне торжествовавший от щедрых похвал, которых так мечтал добиться.

— Постой-ка, купец Белозерский из Вологды... Ерофей Кирилыч, кажись, так?

— Точно так его величали, — удивленно взглянул Илюха на водлозерского охотника.

— Как же я раньше полюбопытствовать не удосужился? — распекал себя Дмитров. — Смотри-ка, Савва, а ить я евоного деда знавал в молодости. Ты-то по летам своим вряд ли того знатного гостя помнишь. Дельный был человек, справедливый купчина... Ён пару раз и в наш сузёмок за рыбкой заглядывал. Конечно, с виду совсем не богатырь, но характером зело твёрд, яко кремень. Ницего не пужался. Ён тады со мной даже в медвежьей охоте участвовал. Вот как бывает, ёлочки-сосёночки! На эких дальних расстояниях живём, но вослед за дедом и с его достойным внуком довелось стренуться... значица, говоришь, Илюша, Ерофей Кирилыч и до атамана Разина успел прибиться, и гонений за то избежал? Славная судьбинушка! И ты, выходит, характером в свово дедушку пошёл. Вижу, никаких испытаний и приключений не чураться...

— Ну, положим, до ваших краёв меня просто случай донёс, — вяло отмахнулся Илья.

— Знамо мне про твой случай, — кашлянул большак. — Савва нашептал невзначай, что ты к нашей Дарьюшке приглядывался. Дивиться тому не пристало, но за случившуюся промашку не сердчай. Сам бы я совсем не прочь вас оженить — добрая бы получилась пара. Да сердцу, как говорится, не прикажешь. Дарья выбор суженого до твою появления сделала. Токмо, похоже, всё равно не случайно ты до нас добрался. Пеша Корелянин недавно обмолвился, будто проведал грядущую твою связь с нашей лесной девой. Ну о том разговор долгий, как раз к ночному костру. Срок придёт — расскажу. Однако самому ведуна наши секреты не выдавай. А пока делами займёмся. Вон уж светать зачало...

Тайгу действительно заполнял сумеречный рассвет. Над местом охоты уже можно было разглядеть парившего высоко в небе орлана-белохвоста, широко размахнувшего могучие

крылья и зорко озиравшего окрестности в поисках добычи. Прирезав оставшегося в живых кабанчика и ловко освежав туши, разделанную добычу полесники поровну распределили по мешкам и уложили в кережи. Груз образовался тяжёлый, без санок бы его никак не получилось довести до дома. Но опытные охотники не думали о скором возвращении, пока у них оставалось место в объёмистых котомках. Кроме свежего кабаньего мяса, обещавшего продолжение славного разговенья после долгого Филипповского поста, они ещё рассчитывали поживиться пушниной, считавшейся тогда самой ходовой валютой.

Прибрав тропинку и прикопав в снегу внутренности своих жертв, на лыжах с притороченными к плечам санками спутники направились в глубь чащи, подыскивая удобное урочище для ночной стоянки. Там сторожить добычу оставили Илью, которому наказали собрать побольше дров, развести костёр и приготовить подходящие для нудьи дрова. Дмитров и Каргополец со своими собаками отправились до вечера полесовать белок и лисиц, а выпадет удача — так заодно куниц и норок или даже песцов и соболей...

Охотники вернулись на становище в кромешной тьме, уставшие, но вполне довольные охотой. На двоих они добыли куницу, лису, двух норок, зайца и пяток белок. Добыча была уже умело выпотрошена и набита в котомки лёгкими шкурками. Рыжая Лиска Каргопольца и чёрно-белая дмитровская Найда улеглись вблизи огня заметно сытые от полученных за день угощений.

Савва быстро устроил нудью на ночь, заложив в её основание с наветренной стороны сосну потолще и подрубив на её поверхности небольшой жёлоб. В него он подложил угли из костра и набросал сухой хворост для растопки. Сверху придавил огнедышащую щель другим слегка расклеванным стволом. Так сырые дрова не занимались от огня целиком, но прогорали изнутри, согревая своей жаркой стенкой поужинавших охотников, снова улёгшихся на еловом лапнике под медвежьей шкурой.

— Не томи, Егор Фомич, сказывай, что дед Корелянин про моё будущее проведет, — сразу спросил Илья, когда все трое полесников прижались друг к другу боками.

— Э-э, не спеши, милоч. Сначала послушай одно наше диковинное предание, — собираясь с мыслями, неторопливо начал большак своё печальное повествование: — Жила у нас в Коскосалме одна старуха. Дак, уважаемая повитуха была. Как раз ёна наших внучат бабила да и многих других деток того же возраста. Однажды заминка с роженицами случилась, скучно стало бабке без дела сидеть, так ёна в сердцах всхлинула: «Ой, некому больше бабить, пусть хоть у лешего, и то бы обабила». Словом, накликала беду. Вскоре является к ей в избу мужчина незнакомый и говорит: «Бабушка, у меня, небось, не обабишь, жёнка родила робёночка? Садись в корету, я тебя повезу». Ну и отвёз старуху куда-то в лес глухой, где домишко евоный стоял. В доме токмо женщина и новорождённый ребёнок, а боле ёна никого не видела. Дитю бабка пупок быстренько завязала, значица, обабила. После мужик ей две бутылочки подаёт. Дескать, из первой помажь ножек-подошвок да ручек-долошок, а из другой глазоньки доченьке протри. Бабка исполнила всё, как сказано, и даже больше того. Ёна и себе той водицей правый глаз тайком мазнула. И тут воочию всех лесных там увидела — а их полна изба набита. Мужик тот повитуху за сделанное чин по чину отблагодарил, тресту славную на платье подарил и отвёз её в саних домой наготово. Токмо с того дня стала бабка всех лешаков в округе правым глазком примечать. Как-то базар у нас большой возле Ильинского погоста на праздник устроили. Бабка туда тоже пошла и снова всех лесных там увидела, как те нахально у людей товар воруют. Подошла ёна к своему знакомцу и говорит: «Батюшка, ить я вас всех вижу, поскоку свой глазок правый вашим зельем смазала». Лесовик ей в ответ: «Ай, не должна ты, бабка, нас видеть, значица, сама виновата...» Взял да ножичком своим шарнул и глаз-то старухе выколол...

— Да как же, Егор Фомич, эта байка про старуху-повитуху с той лесной девой связана, а тем паче с моим будущим? — с нетерпением торопил рассказчика Илюха.

— Ёлочки-сосёночки да все мои девчоночки, а вот как: та новоявленная девчушка, дочка лесного хозяина, похоже, была рождена от пропавшей незадолго перед тем девицы Ирьи, младшей сеструхи Афоньки Петрова, твою

кургиловского соседюшки. От стыда, что лесовик её насильничал, бедная Ирья потом в омут бросилась. А её дочурка Лессия так в тайге жить и осталась под призором всей воднолесной нечисти. Петровы-то её втихомолку признали за родную кровь и, когда ёна у них малую толику каку попросит, помогают, конечно. Но громко о том не говорят, помня ещё о прилипшей к их семейству славе прадеда-колдуна. Кстати, люди бают, что оттого лесовик на Ирью покусился, что ёна ему будто старым колдуном за былые услуги была обещана.

— Значит, та Лессия приходится двоюродной сестрой Даньке и Агафье? — с разговарившимся в глазах интересом выпрашивал Илья. — И по возрасту с ними сравнима?

— Да, ёна ровесница нашей Дарьюшки, — подтвердил Фомич. — И под стать ей писаная красавица. Тоже бы аккурат на выданье была, ежели б народ не считал её не от мира сего. Нынче люди её больше жалеют, но не особо жалуют. Боятся...

— Ко мне-то каким боком всё это дед Пеша приплёл? — недоумевал вологжанин.

— Поди ж ты пойми загадки старого ведуна. Одно сказал, будто провидел Илью вместе с Лессией... А что и как там у вас с ей должно случиться, мне лично не ведомо...

Сватовство вперёбой

После Крещения, когда уж завершились святочные гулянья, в доме Дмитровых вдруг снова грянул нежданный переполох. Однажды ближе к полудню к воротам двора без звона снятых с дуги бубенцов подкатил нарядно убранный возок на широких полозьях, запряжённый тройкой добрых коников. По затаённому от лишней огласки и случайного взгляда въезду да по торжественному виду приезжих легко было догадаться, что в Коскосалму прибыли сваты. Понятно, к Дарье, но явно не от Николки Онуфриева.

Егор Дмитров в накинутах на плечи тулупе сам вышел встретить гостей, построже привязал к будке Найду, разлаившуюся на них с несвойственной ей злостью, открыл ворота, пропуская возок к крыльцу, а его седоков приглашая в избу. Ещё до того как у забора

стали собираться заинтересовавшиеся событием соседи, из дома пулей вылетел Дарьин братишка Артёмка и стремглав помчался в сторону Ангиловой Горы, чтобы предупредить Кольку об угрозе перехвата его невесты заявившимся с незваными гостями соперником Федыкой Сафроновым.

Тот запомнился по прошлой весне, когда приезжал после Пасхи с Пёлгострова для участия в вечёрках местной молодёжной ватаги и, видать, самоуверенно решил, что понравившаяся ему славутица Дарья не сможет отказать этакому завидному жениху. Позже выяснилось, что Тёмке было дано и второе поручение — на всякий случай поскорее призвать в помощь из Подогорья ведуна деда Пешу, поскольку Егор Фомич признал среди сватов кенозерского колдуна Борисуку Лешко, о котором шла дурная слава.

В дом сваты ввалились гурьбой, как заведено, не объясняя цели своего приезда. Но по тому, как они закинули на воронец свои рукавицы большим пальцем вверх — на удачу, намерение их стало понятным. Сняв тулупы и усевшись на лавке под матицей, гости по очереди представились хозяевам, а затем принятыми в таких случаях окольными намёками завели речь о сватовстве.

Они действительно прибыли с расположенного посреди Водлозера Пёлгострова, где обитали в двух соседних деревеньках. Женихавшийся Фёдор был вторым сыном недавно овдовевшей махлацихи Натальи Сафроновой из деревни Быковской, где она властной рукой держала крепкое хозяйство, которое под её зорким приглядом умело вёл теперь первенец Дмитрий, уже повенчанный на взятой из Кенозерья работающей жёнке Татьяне. Младший сынишка Натальи Санька тоже слыл добрым парнем и справным работником. А вот о вздорном характере Федыки люди говорили с экивоками: нравом горд, вспыльчив, обидчив, гневлив... Злые языки прозывали его «пся крев», связывая дурную наследственность с «панамми», которые остались жить в Быковской после разгрома отряда их соплеменников во времена Смуты. Про них рассказывали, что они при нехватке коней пахали землю на быках, отчего будто бы и произошло имя поселения.

В ближнем Пёлгострове проживали другие

родичи Сафроновых. Сват Захар приходился Фёдору двоюродным братом, а его мать Серафима была не только тёткой, но также божаткой жениха. Поскольку сватовство в дальнюю деревню изначально считалось делом нелёгким и непредсказуемым, со сватами отправили также колдуна Лешко, переселившегося в Быковскую вслед за дочкой Татьяной, а значит, вроде тоже сродника. Но расчёт, конечно, состоял в том, что, если строптивая невеста зартачится, станет отказываться от замужества, её довольно будет принудить к согласию тайным магическим воздействием, на что Бориска был большой дока. Поначалу он в переговоры не вступал, тайком приглядывался к обстановке, но был готов к любой пакости.

Первыми вступили в обрядовое действие Захар и Серафима, исподволь заговорившие про петушка и курочку, которых было бы неплохо «скласть вместе», дабы вывести от них доброе потомство...

Зная, что внучка сговорила о скором сватовстве с Николаем Онуфриевым, Егор Фомич хотел решительно отказать приезжим и даже не выставлять на стол праздничных угощений. Но присутствие вредного кенозерского колдуна его всерьёз насторожило, остановило от осуществления поспешного намерения, заставило пойти на хитрость.

— Эй, хозяйюшки, соберите нам что-нибудь перекусить. Гости дальнюю дорогу проехали, небось, проголодались. А разговор, похоже, нам предстоит долгий, — хитро подмигнул Дмитрий бабке Василисе, а снохе Настасье что-то прошептал с улыбкой на ушко: дескать, чтобы та предупредила спрятавшуюся в своей светёлке Дарью остеречься беды, в случае прямого вопроса упрямитесь не слишком явно, но с терпением дождаться перебойных сватов от Кольки и верной поддержки мудрого Пеши Корелянина.

В Водлозерье считалось, что первым признаком вероятного удачного исхода сватовства является то, что хозяева решили уважить сватов угощением. Оттого гости чуть расслабились, стали вести себя увереннее, потеряли бдительность. На то и делал ставку большак Дмитрий, сам пославший Артёмку в Ангилову Гору предложить Онуфриевым срочное сватовство вперёд с обязательным приглашением в сваты деда Пеши. Теперь он тянул время, медленно

разливая по кружкам малиновый взвар, расставляя на столе плоски с морошкой и мочёной брусникой, большой берестяной короб со свежим хлебом и оставшимися с утра творожными кабушами.

— Дак зачем же нам долго рядиться? — поспешила не почуявшая хозяйского подвоха Серафима. — Чай не на базаре. Нашему купцу товар известен, он готов его взять сразу и хороший выкуп предложить.

— Ёлочки-сосёночки, вот как раз потому, что мы не на базаре, нам не мешает всё обстоятельно взвесить, обдумать, обсудить. Времечко у нас на то есть, дабы промашку каку не сделать, — остановил торопливую сваху Егор Фомич. — Девицу же отдают не за отца, а за молодца. Но ежели вам наш товар известен, то нам ваш купец не больно-то знаком. Пёлгостров для нас коньближня округа, но дальний край. Не знамо нам, кака доля хозяйства большухи Натальи купцу вашему может отломиться, в каких условиях молодой жене жить предстоит, не наплачется ли ёна от горюшка в чужой сторонушке... Столь сурьёзное предложение нам по обычаю надобно на семейном совете с родичами обговорить да к вам в гости наведаться, дабы сомнения развеять... Уж не обессудьте, что у нас этак заведено. Всякому ведомо, что в каждой избушке свои побрякушки, как у каждой деревни свои поредни.

Дмитров обстоятельно подбирал верные слова, способные отсрочить конечное решение. Он был в полном праве выдвигать условия, а поскольку напрямую не отказывал, то вроде оставлял лазейку для продолжения переговоров. Захару, Серафиме и Фёдору неуступчивость старика вовсе не казалась странной — в Водлозерье подобные споры привычны. Но Бориска Лешко стал проявлять нетерпение, заподозрив неладное. Он нервно мял руками привезенную в подарок невесте небольшую подушечку, уложенную в богато вышитую серебряными нитями наволочку. Приметив её, Фомич совсем испугался. По опыту знал, что чародеи начитывали в такие подушки специальные приворотные заговоры: если девушка сядет на неё, ей и немилый жених начнёт нравиться.

— Да полно лишнего рядиться. Наш сокол перед вами, покажите теперь нам свою сизую го-

лубку. Что ж мы без девицы пустые разговоры разговариваем? Может, пора уж её саму о судьбе будущей спросить? Пушай слово скажет, какой её видит. Вдруг сразу выбор сделает, а нет — так хоть гостей красотой своей порадует. Мы-то в отличие от нашего купца ваш товар ещё не видели, — поторопил Лешко развитие событий, уверенный в том, что найдёт способ повлиять на Дарью колдовской магией и привадить её к сроднику Фёдору. Ему достаточно было с тайными заклинаниями погладить волосы невесты, провести рукой по её спине или найти повод утереть ей лицо заговорённым платком...

Тут как раз во дворе раздался радостный звон колокольчиков и к крыльцу подъехали разукрашенные разноцветными лентами санки новых сватов. Судя по нарочитой уверенности их громкого въезда, эти гости в дмитровском доме были желанными. Обескураженные таким поворотом, Сафроновы растерянно переглянулись, лицо кенозерца Лешко исказилось прорвавшейся злобой. Колдун вскочил на ноги, бочком подбежал к воронцу, трижды ударил в него зажатой в руке заговорённой подушкой, прошептал про себя невнятицу каких-то новых заклятий, а потом грозно повернулся к наконец-то выглянувшей из-за занавески ободрившейся Дарье и угрожающе прошипел:

— Никуда не денешься — сама следом пойдешь. А за нашего Фёдора не пойдешь — во век замуж не выйдешь!

— А ты не горячись так, мил человек. Слово не воробей, плохое слово не ворона, но если их вовремя не поймать, беды не оберёшься. И в чужом-то дому дурными словами сорить негоже, — посреди распахнувшихся в сени дверей уверенно стоял седовласый Пеша Корелянин и делал руками замысловатые движения, словно ловил и давил на лету разлетевшиеся по избе колдовские угрозы.

— Кто ты таков, наглый старик, что меня, Бориса Лешко, учить вздумал? — колдун вовсе взбеленился, уставив в соперника налившиеся кровью глаза, на одном из которых зловеще выступало бельмо.

— Так я тоже сватом сюда явился. Мир дому сему! Добра и счастья его гостеприимным хозяевам! Желанного жениха красной девице Дарьюшке! — трижды поклонился не терявший спокойствия дед семейству Дмитровых и

внушительно добавил: — А ты здесь зря, Бориска, кликушествуешь, будто Дарье Никитичне замуж никогда не выйти, если она твоих пустых заговоров не послушается. Вон у нас свой молодой петушок к любимой курочке прилетел. И поскоку у них уж раньше сговор о свадьбе сладился, иным сватам тут делать нечего. Извиняйте, гости дорогие, за вынужденный перебой, но милости просим без обид вернуться восвояси. Скатертью дорога от нашего порога!

— Ах, вон оно как! Не тот ли это ведун-пердун, коим меня так шибко стращали? — наконец сообразил Лешко, совершенно оскорблённый столь спокойным и твёрдым отпором, которого он никогда прежде не встречал. — Вижу, что ты, дряхлый старикан, совсем из ума выжил и зубы свои выпердел. Тебе ли, немощному, со мной тягаться? Ну-ка, брысь отседова. Уйди с моей дороги, пока цел!

— Охолопись, Бориска, — строго предупредил Пеша. — Хорошенько подумай, перед тем как глупостей наделать. Вдруг да не справишься со мной? Если подобра-поздорову отступишь, отпущу тебя с миром, даже нанесенные моим седином поносы прощу. Но в ином случае не обессудь: крепости моих зубов ещё хватит, чтоб с тобой покусаться...

— Что же, мешок с песком, давай схлястнемся, померяемся с тобой силами, — зарвавшегося в самоуверенном раже Бориску было уже не остановить.

Колдун решительно выкинул вперёд корявые руки, вполголоса произнося страшное заклинание, предполагавшее нанесение противнику мощного удара, воздействие которого могло разбить параличом обычного смертного. Но знавший толк в секретах защиты от подобных атак и готовый к схватке Корелянин просто чуть выставил перед собой открытые ладони, бумерангом возвращая направленный на него пучок злобы обратно. Говорил ли старый ведун про себя подходящие моменту заговоры, никто не понял...

В следующий миг свидетели этой стремительно разыгравшейся сценки увидели только, как дед Пеша устало встряхнул запястьями и презрительно воскликнул: «Шитто перзе!» Бориска в то же время как будто весь скрючился, сначала застыл в позе предприня-

того им нападения, а затем безвольно качнулся назад и упал навзничь.

— Ничего, в парной бане отойдёт и жить будет. Однако уж сказать больше ничего не сможет — онемел совсем. Но Господь тому свидетель, что я его по-хорошему просил не выхваляться своим чародейством. Забирайте, крещёные, сродника в Пёлгостров, а меня не судите строго. Все видели, что он сам виноват, — без лишнего пережима обратился оправившийся от напряжения Корелянин к заезжим сватам.

Захар и Фёдор поспешно оделись, всучили тулуп обездвиженного Бориски охавшей от волнения Серафиме, а его самого подхватили с двух сторон под руки и, испуганно кланяясь, заторопились вон из избы. Во дворе незадачливых сватов ждал ещё один сюрприз: догадавшиеся об исходе переговоров местные пайгажата успели напихать в возок приезжих прошлогодних берёзовых веников. По-водлозерски это называлось «подложить старую Анисью» и утверждало полученный от дома невесты позорный отказ.

Совет да любовь

— **Ф**х, ёлочки-сосёночки да все мои девчоночки, в самое время ты, Пеша, подоспел, а то уж я не чаял от злых колдовских козней избавиться, — благодарно обнимал ведуна Егор Фомич, следом широко открывая объятия знакомцу Архипу Дементьевичу Онуфриеву и его сыну Николаю. — Добро пожаловать, гости дорогие! Уж с вами-то, надеюсь, мы точно долго рядиться о свадьбе не будем. Ежели так скоро приехали на наш зов, значица, впрямь дорога вам моя внучка Дарьюшка. Знать, не зря говорится, всякая невеста для своо жениха родится. Нежеланный сватался да от беды спрятался.

В правоте его слов нетрудно было убедиться. Нарушая правила обряда сватовства, Дарья уже прильнула дрожащим телом к груди желанного жениха и торопливым шёпотом лепетала ему о своих переживаниях:

— Ой, Коленька, как мне порато сараско стало, когда злыдень Бориска шишковать зачал... До сих пор омалтаться не могу... Слава богу, дед Пеша сам на него шибко пошишкал и нас

всех быстро обратно присвоил... А ить баяли, что злой Лешко — самый сильный шишок на Кенозере и Водлозере. Будто ён водит тесную дружбу с лешаками да водяными и даже в карты с ими играет запросто...

— Теперь-то уж успокойся, любя моя. Всё, что было, — минуло, былём поросло. Пора о будущем нашем сговариваться, — нежно гладил русые волосы Дашеньки Николай, тоже чувствовавший себя вовремя пришедшим ей на помощь защитником.

— По поводу крепости зубов я всё поняла: ежли у волхвов зубы выпадают, ёни теряют свою колдовскую силу. Но вот что там этакое дед Пеша опосля сказал, когда Бориску зажал? Этта, что ль, тоже како страшное заклятье — «шитто перзе»?

— Дурочка ты, Дашка, — рассмеялся Коля, — с рождения рядом с чухонцами живёшь, а их ругательств не знаешь. Хотя и впрямь лучше тебе их не знать...

— Нетушки, Колюня, счас же открой мне смысл этих слов, не то я до конца жизни их бояться буду, — всё ещё с дрожью в голосе, но настойчиво попросила Дарья.

— Ну-у, по-карельски сие значит, как бы тебе не слишком грубо перевести... Одним словом, Пеша назвал Бориску грязной задницей... Видать, накипело у старика, раз этакие слова с языка сорвались. Не упомню, чтоб наш добрый ведун когда-нибудь так ругался, — помявшись, объяснил Колька испугавшее девушку ведовское «заклинание», тут же найдя оправдание несдержанности Корелянина.

— Эй, молодые, хватит тайком от всех шушукаться и дедовские обряды своевольно рушить, — придав голосу подобающую строгость, Дмитров решил вернуть всех в русло установленных порядков. — Ладно уж, можно считать, что сватовство у нас худо-бедно состоялось. Хотя для верности не помешает всё ж спросить нашу невестушку: согласна ли ты, Дарья Никитична, пойти замуж за Николая Архиповича?

Даша, ласково отстранившись от жениха, отвесила родичам земной поклон, плавно махнув по полу правой ручкой, как крылышком лебёдушки, и твёрдо ответила:

— Всем сердцем согласна, дедушка!

— Ежели у нас этак по-доброму сужено-ря-

жено, наш товар в самую пору надобно продать, а ваш купить. Давай, женишок, бери нашу горлицу в жёны — да так, чтоб потом не каяться, жить в любви и не маяться. Анастасия, твой черёд дочку благословлять. Пусть недалеко ёна от нас съедет, зато ужо насовсем, — продолжал распоряжения большак.

Настасья достала с божницы икону Пресвятой Богородицы, торжественно перекрестила ею склонившуюся перед образом Дашутку и со слезой в голосе произнесла:

— Доченька моя родненькая, порато радуюсь я твоему чайнному счастью. Да берегут тебя всегда Господь Вседержитель и Царица Небесная, все силы ангельские и наши святые заступники! Благословляю тебя с Богом на новую жизнь в любви и согласии с твоим суженым Николаем... Ох, как жаль, что не дожид до сего светлого дня родитель твой Никита Егорович... Но верю, что ён в райских куцах радуется сейчас вместе с нами и присоединяется к моим словам: совет вам да любовь!

Дарья поцеловала икону и тут же бросилась на шею матери, всячески стараясь успокоить вконец растрогавшуюся от избытка чувств женщину. Егор Фомич при упоминании имени утонувшего сына сам едва сдержал набегающую на глаза слезу, поспешно отвернулся от начавшегося бабьего воя, к которому успела присоединиться его чувствительная Василиса, и обратился к выступавшему главным сватом отцу жениха:

— Ну что, соседка Архипушка, наши скромные возможности мы знаем. Не будем пока спорить о приданом, а после к тому прибавим. Думу о расчётах давай-ка оставим на застолье с яишенкой. Гляжу, что вы к нашей курочке, как положено, и с петушком прибыли, и с коробом выкупных яиц. А теперь, что ли, сразу перейдём к просватовству?

— Не возражаю, Егорушка. Погодь, я тоже руку полой кафтана оберну, дабы при рукобитии счастье молодых из нашего семейства куда-нибудь на сторону не сгнуло, — откликнулся старавшийся выглядеть не менее степенным гость, протягивая большаку Дмитрову прикрытую одеждой длань.

Ударив по рукам, сваты приступили к богомолью. Чтобы поставить затеянное дело под покровительство духов домашнего очага, ба-

бушка Василиса запалила лучинку в зажёнке печи и зажгла от неё новую свечу перед иконами в божнице. Ведение совместной молитвы по статусу большака взял на себя Егор Фомич. А по её окончании Архип Дементьевич достал из кармана прихваченный с собой колокольчик и весело зазвонил на весь дом в знак того, что невеста окончательно просватана.

Настал срок первой невестинной заплачки. Однако расслабленно усевшейся на лавку Дарье, уже осушившей невольно навернувшиеся на глаза первые слёзы и снова улыбающейся от переполнявшего её ощущения счастья, никак не удавалось убедительно изобразить свою разнесчастную долю и самой вспомнить слова старинных причитаний о драгоценной девичьей воле, с которой ей предстояло проститься после скорого перехода из родительского дома в семью мужа. Василиса Артемьевна и мать Настасья быстро смекнули это и пришли к ней на выручку. Нарочито пригорюнившись, они присели по бокам девушки и хором слезливо заголосили за неё подобающую случаю досюльщину:

*— По сегодняшнему денёчку
Как не в колокола ударили,
Не к обедне затрзвонили,
Мою волю обневолили.
Подломилась ножки резвые,
Помутились очи ясные,
Верно, надо прослезитесь
Да принародно остыдитесь...*

Сидевший у стола дед Пеша, поглядывая на участников сватовства, задумчиво поглаживал растрепавшуюся бороду. Все эти обряды были ему знакомы и понятны. У старших Дмитровых впрямь выпал повод чуть попечалиться при провожании созревшей до замужества девушки в чужой дом. Хотя они избавлялись от лишнего рта, но всё ж расставались с родной кровинкой и обязаны были отдать за неё изрядную долю наследства. В ожидании переговоров о том Архип Онуфриев выглядел довольным: предусмотренные от него выкупные на проведение свадьбы не могли сравниться с размером невестинного приданого, к тому же в его хозяйство переходила работающая жёнка. Молодые ничуть не скрывали, что полностью удовлетворены осу-

шествием своей мечты, и больше думали не о бытовых мелочах, но о будущей совместной жизни, которая, конечно же, непременно должна сложиться безоблачно и счастливо...

Такова уж неизменная человеческая природа: каким бы горестным ни было настоящее, всегда верится, что будущее обязательно случится светлее, что жизнь неизбежно переменится к лучшему, что счастье вполне достижимо на сей грешной земле, а не только где-то в райских куцах загробного мира.

Разве минувшим летом сузёмок не дрожал в страхе от антихристового шествия по Осударевой дороге грозного царя Петра? В пережитых тогда тревогах никто представить не мог, каким станет завтрашний день и наступит ли вообще послезавтрашний. А давно ли эти самые люди, оставшись без спасительных запасов зерна, ожидали своего будущего с ещё большей опаской? Нависшую над округой угрозу голода предотвратила лишь своевременно присланная из Даниловского монастыря хлебная помощь. И не сегодня ли они выдержали страшное испытание колдовскими чарами, о которых теперь будто бы совершенно забыли? Нынче им снова повезло, когда на их защиту вовремя пришёл сильный ведун. Но всякий ли раз для всего сузёмка, для малой округи, для отдельно взятой семьи обстоятельства могут складываться столь же благоприятно?

Конечно, слаб человек, уж никак не скажешь, что могучий мамонт или слон. Но ведь одновременно, на удивление, силен! Он всегда готов к встрече с непредвиденными испытаниями и опасностями. Чтобы прошлое не мешало настоящему, он быстро забывает недавние беды-невзгоды и прочие страсти-напасти, а с новыми силами устремляется в поиски желанного счастья. Иногда кажется, что жизнь его держится на ниточках совсем тоненьких и почти уж не стоит ничего — ни столенько, ни полстоленько. Но приглядишься: ниточки те — будто упругие жилы крепки и при случае переселят любые житейские силки напряжением неизбывной надежды, внутренним провидением света, постоянным ожиданием перемен к лучшему и деятельным участием в созидании чаянного будущего. И если за свою малую жизнь каждый готов постоять с напрягом, то за любимых вовсе вытянется

мостком натягом и, перемогая собственные боли, прежде прикроет ближних надёжным щитом-любовью. Что же касаясь крепости у северян православной веры, ей вовсе не найдётся меры. Храня верность ей в состоянии строгом, человеческий дух укрепляется Богом. Тогда не страшны ему ни суровой судьбы удары, ни козни нечисти, ни колдовские чары... Словно под столбом благодатного северного сияния проходят тут люди закалку характеров и очищение душ от греховной скверны. Живут с пониманием одушевлённости природы и в полной гармонии с ней. С опорой на священные заветы рода и ощущением бренности земных дней. Заглядывают в будущее просто, будто в вечный портал-проём: пока мы живы, то уж точно не погрём.

Окончание в следующем номере

Значения устаревших и диалектных слов

Алтын — денежная мера или монета достоинством в 3 копейки.

Баклага — небольшой сосуд для жидкостей с крышкой и пробкой.

Божатка — крёстная мать, крестнуха.

Большак — глава староверской общины или отдельного крестьянского хозяйства.

Большуха — женщина, отвечающая за ведение хозяйства.

Бурак — корзина из дранки.

Гайтан — шнурок для ношения нательного креста; прочная лента для перевязи.

Вачаги (саамск.) — кожаные рукавицы.

Гугай — филин, сова.

Дельницы, дельники — вязаные шерстяные рукавицы.

Кабуша (вепск.) — кусок творога, пирожок из творога.

Каньги (финск.) — валенки, мягкая обувь из меха или войлока.

Каржина (карел.) — подполье, погреб.

Кережи, кережки (саамск.) — ручные санки с деревянными боковинами.

Коньблизко, коньдородно — не близко, не дородно (конь — в значении отрицания).

Копарюга — косою ручной крюк, коряга для вспашки земли на подсеке после пала.

Корба (финск.) — низина, поросшая густым ельником; дремучий лес, чаща.

Корга — каменная отмель на водоёме.

Кубани — вечерние тени.

Кукой (*вепск.*) — здесь: белый хлеб.
Кухмень, снарядиha, хухляк — ряженые на святочных игрищах.
Кячкaть (*вепск.*) — рубить дрова.
Лайда (*вепск.*) — открытое место в озере.
Липина — дверной косяк.
Ловас (лабаз) — помост на ветках между деревьями, обычно сооружаемый для охоты.
Малтaть, омалтaться — понимать, опомниться.
Манить — обманывать.
Матица — здесь: поддерживающая потолок балка.
Махлак, махлaчить — обеспеченный человек, зажиточно жить.
Наиспашку — от себя, наотмашь.
Нудья (нодья) — устройство для зимнего костра из лежащих друг на друге деревьев.
Обжa — единица поземельного налогообложения с пахаря, имевшего одну лошадь.
Пайгажи, пайгажaтa (*вепск.*) — дети старшего возраста, от 7 до 12 лет.
Полесовaть — охотиться.
Полушка — денежная мера или монета достоинством в четверть копейки.
Поноровить — подождать.
Порaто — очень сильно.
Поредня — порядок, уклад, правила жизни.
Примцилось — показалось.
Присвоить — отколдовать.
Раскарзaть — обрубить ветви.
Росстань — перекресток.

Рядница — толстый холст или одежда из него.
Сажень — русская мера длины, равная 2,134 м.
Салма (*карел., вепск.*) — пролив.
Санник — наезженная дорога, зимник.
Сараскaть — пугаться, бояться, страшиться (*сараско* — *боязно*).
Сланина — ступенька лестницы.
Сузёмок — лесная округа, признаваемая общей территория проживания группы людей.
Треста — полотнище, полоса ткани.
Чудины — прозвание вепсов русскими.
Чухари — самоназвание вепсов в районе Белозерья, чужь белоглазая.
Шадровитый — прочный, здоровый, достойный.
Шишкaть, шишковaть — колдовать, насыпать заклятья.
Ярыга — низший государственный служащий, исполнявший полицейские функции.

□

Андрей Яковлевич ФАРУТИН

родился в 1957 г. в Петрозаводске.

Окончил факультет журналистики

Ленинградского университета.

Работал в периодических изданиях Карелии и собственным корреспондентом московской «Независимой газеты».

Пишет стихи, прозу, публицистику.

Выпустил поэтический сборник «Источники света» (2007), книгу публицистики «Зерна рода: опыт самоидентификации русского карела — славянина и финно-угра» (2012).

Член Союза журналистов России с 1980 года.

Заслуженный журналист Республики Карелия.

